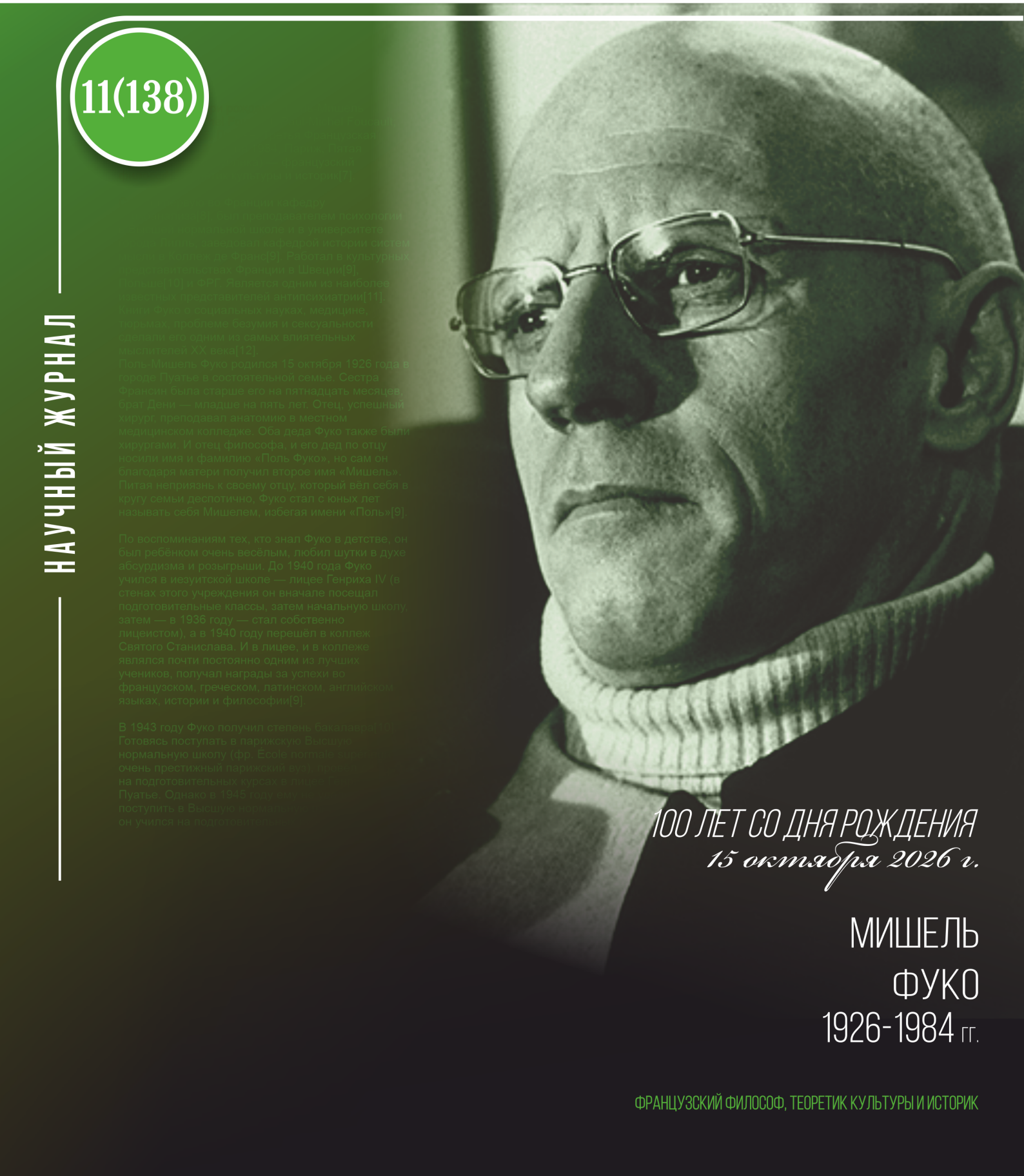
ISSN : 2311-5327

7universum.com

UNIVERSUM: ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

11(138)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

100 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
15 октября 2026 г.

МИШЕЛЬ ФУКО
1926-1984 гг.

ФРАНЦУЗСКИЙ ФИЛОСОФ, ТЕОРЕТИК КУЛЬТУРЫ И ИСТОРИК

7universum.com
UNIVERSUM:
ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

UNIVERSUM: ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Научный журнал

Издается ежемесячно с ноября 2013 года

Выпуск: 11(138)

Ноябрь 2026 г.

Новосибирск
2026

ББК 63+66+87
U55

Главный редактор журнала:
Попова Ирина Викторовна – д-р социол. наук.

Редакционная коллегия:
Абрамов Александр Петрович – д-р социол. наук, доц.;
Аринин Евгений Игоревич – д-р филос. наук, проф.;
Баранов Николай Алексеевич – д-р полит. наук, проф.;
Бахтуридзе Зейнаб Зелимхановна – д-р полит. наук, доц.;
Бессчетнова Оксана Владимировна – д-р социол. наук, доц.;
Гужавина Татьяна Анатольевна – канд. филос. наук, доц.;
Канищев Валерий Владимирович – д-р ист. наук, проф.;
Кодзоев Магомед Абдул-Мажитович – канд. полит. наук;
Мамедов Азер Агабала оглы – д-р филос. наук, доц.;
Мациевский Герман Олегович – д-р ист. наук, доц.;
Орехова Валерия Дмитриевна – канд. полит. наук, доц.;
Саввина Людмила Ивановна – канд. филос. наук, доц.;
Северина Елена Михайловна – д-р филос. наук, доц.;
Серкина Яна Игоревна – д-р социол. наук, доц.;
Фролова Юлия Сергеевна – д-р социол. наук, проф.;
Цымбал Оксана Григорьевна – канд. ист. наук, доц.

U55 Universum: общественные науки : электронный научный журнал. — № 11(138). — Новосибирск : Изд-во «Юниверсум», 2026. — 68 с. — Текст : электронный. — URL: https://7universum.com/ru/social/archive/category/11138 (дата публикации: 15.11.2026).

ISSN 2311-5327
DOI: 10.32743/UniSoc.2026.138.11
Учредитель и издатель: ООО «Юниверсум»
© ООО «Юниверсум», 2026 г.

Содержание

Статьи на русском языке

История

Всеобщая история

Механизм формирования древних государств Согд, Бактрия, древний Хорезм на территории Центральной Азии 4
Адилходжаева Сурайё Махкамовна

Философия

Философия и история философии

Социально-философские аспекты национальных приоритетов устойчивого развития Азербайджана 12
Гусейнов Сакит Яхья оглы

Социальная философия

Информационная безопасность личности в условиях цифровой трансформации: экзистенциальные риски и ценностные противоречия 22
Бурнашев Ринат Фаритович
Тилляева Мадина Махсудовна

Философия науки и техники

Когнитивный уровень выбора в созидательной деятельности антропомерных систем 32
Петров Михаил Алексеевич

Социология

Социальная структура и социальные институты

Социальная активность пожилых кировчан 45
Бушкова-Шиклина Эльвира Васильевна
Волченкова Елена Валерьевна

Комплексный подход к формированию здоровых пищевых привычек и профилактике детского ожирения 52
Карим Айгерим Акайдар

Articles in English

Sociology

General Sociology and History of Sociology

Promoting educational equity through inclusive education: perspectives from Kazakhstan and China 58
Wang Ze

СТАТЬИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ИСТОРИЯ

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Статья поступила в редакцию: 30.10.2026
Статья принята к публикации: 04.11.2026
Статья опубликована: 15.11.2026

УДК 930.85

DOI: 10.32743/UniSoc.2026.138.11.23683

Механизм формирования древних государств Согд, Бактрия, древний Хорезм на территории Центральной Азии

Адилходжаева Сурайё Махкамовна
д-р юрид. наук, проф.
Университета мировой экономики и дипломатии
Республика Узбекистан, г. Ташкент
E-mail: a.surayyo.law@mail.ru

The mechanism of formation of the ancient states of Sogdiana, Bactria, and ancient Khorezm in Central Asia

Adilkhodzhaeva Surayyo Makhkamovna
doctor of Law, professor
at the University of World Economy and Diplomacy
Republic of Uzbekistan, Tashkent

Аннотация

Статья посвящена механизму возникновения Древних государств Согд, Бактрия, Хорезм. Формирование первых городов-государств на территории Центральной Азии началось в VII–VI вв. до н.э., самые известные из них Согд, Бактрия и Древний Хорезм, которые локализовались возле древних рек. Для них характерно было возведение оросительных сооружений, начало возделывания сельскохозяйственных культур, строительство жилья и проведение других социальных работ вокруг рек, где можно было вести поливное земледелие. Древние государства-оазисы характеризуются зарождением культуры земледелия, развитием общественной деятельности, ремесла, архитектуры и

Библиографическое описание: Адилходжаева С.М. Механизм формирования древних государств Согд, Бактрия, древний Хорезм на территории Центральной Азии // Universum: общественные науки : электрон. научн. журн. 2026. 11(138). URL: https://7universum.com/ru/social/archive/item/23683

строительства, торговли. Далее в государствах-оазисах появляется потребность в управлении и таким образом возникают зачатки политической культуры и государственно-правовых традиций. Государства-оазисы появились на основе необходимости проводить и управлять общественными работами. В статье подчеркивается, что образование такого типа государств было наиболее типично для Центральной Азии в древний период и может характеризоваться как социальный путь возникновения государства. В социальной иерархии выделялись различные слои-производители, нанятые в земледельческом хозяйстве, придомовом скотоводстве, в домашних промыслах, специализированном ремесле, строительных работах и лица, непосредственно не занятые в производстве, а выполняющие функции руководства, контроля, т.е. организационно-управленческие функции. К ним, относились главы домов-усадьб, старейшины общины, правители районов и служители культа.

Abstract

This article examines the formation of the ancient states of Sogdiana, Bactria, and Khorezm. The emergence of the first city-states in Central Asia began in the 7th–6th centuries BCE; the most prominent among them — Sogdiana, Bactria, and ancient Khorezm—were situated near ancient rivers. These states were characterized by the construction of irrigation systems, the cultivation of agricultural crops, the building of dwellings, and the execution of other public works in riverine areas suitable for irrigated agriculture. These ancient oasis-states saw the development of agricultural practices, social activity, crafts, architecture, construction, and trade. As these oasis-states evolved, a need for governance arose, leading to the nascent development of political culture and political traditions. The oasis-states emerged from the necessity to organize and manage public works. The article emphasizes that the rise of such states was highly characteristic of Central Asia in antiquity and can be described as a «social» path to state formation. Within the social hierarchy, there were distinct strata: producers engaged in agriculture, small-scale livestock farming, domestic crafts, specialized trades, and construction; and those not directly involved in production, who instead performed leadership, oversight, and organizational-administrative functions. This latter group included heads of households/estates, community elders, regional rulers, and religious figures.

Ключевые слова: национальная государственность, Согд, Бактрия, Древний Хорезм, Древняя цивилизация, Двуречье, города-государства, кочевники, оседлая цивилизация.

Keywords: statehood, Sogdiana, Bactria, ancient Khorezm, ancient civilization, interfluve regions, city-states, nomads, sedentary civilization.

Введение

Цивилизации Центральноазиатских народов наряду с египетским, греческим, китайским и индийским древними общественными образованиями, также являются древнейшими на Земле. О существовании древней культуры в Центральной Азии – цивилизации Двуречья писал в своем труде «Постижение истории» английский ученый А. Тойнби [13]. Анализ исторических данных и современные исследования дают основания считать, что на территории между древними реками Окс и Яксарт органы родового

общественного самоуправления долгое время сохранялись и объединялись в предгосударственные образования на ограниченной территории с целью реализации социальных функций.

В VII–VI вв. до н.э. на территории Центральной Азии началось формирование первых государств оазисного типа, которые образовывались вокруг рек, где можно было вести поливное земледелие [13, с. 126]. Между реками Окс и Яксарт формировалась оседлая цивилизация внутри древних городов. Такое появление государств является социальным путем возникновения. Кроме оседлой цивилизации на этой территории одновременно возникает культура кочевников-туров, которая характеризуются сохранением на протяжении долгого времени родоплеменных отношений. В этих племенах была жесткая дисциплина и военно-кочевое управление. Появление и развитие оседлой и кочевой цивилизации на одной территории взаимообогощало древние народности и приучало их жить совместно. Возможно, это и стало причиной зарождения толерантности между оседлой и кочевой цивилизацией. При этом они мирно использовали одни и те же водные источники, и уже тогда начала формироваться культура отношения к воде. Издревле народы, населяющие Центральную Азию, относились с трепетной бережливостью к воде, в течение многих веков наши народы пользовались совместно единым водным ресурсом, мирно возделывая землю, участвовали в строительстве ирригационных сооружений. Так зародилась древнейшая цивилизация, известная всему миру как культура Двуречья между древними реками Окс и Яксарт — современными Амударьей и Сырдарьей [13, с. 227–230].

Цели и задачи

Автор статьи проводит анализ археологического и исторического материалов с целью исследования истоков государственности на территории Центральной Азии. На основе проведенного изучения древних государств Согда, Древнего Хорезма, Бактрии выявляются основные направления эволюции государственности, особенности общественного развития и факторов, которые его обусловили.

Материалы и методы

В ходе работы определена эволюция национальной государственности в качестве объекта исследований политологии, права, истории, экономики, социологии. Это доказывает, что данная проблема лежит в плоскости междисциплинарных исследований. Методологической основой послужили стратегические задачи, поставленные Президентом Узбекистана в сфере развития национальной государственности Узбекистана. Президент Ш. Мирзиёев подчеркивал, что государственность, существовавшая на территории нашей Родины, а также любой социальный процесс — победа или поражение, подъём или упадок являются непосредственной и неотъемлемой частью сложного исторического пути, который прошёл наш народ [7]. Материалами для настоящего исследования послужили отчеты, архивные документы, результаты археологических исследований по истории государственности Узбекистана. Методологией исследования стала синергетика и выявления основного фактора эволюции государственности**.**

В качестве основных методов исследования были использованы исторический и сравнительный анализ, системный, институциональный, междисциплинарный подход, логический метод.

Результаты и обсуждение

Одно из самых достоверных упоминаний о государствах-оазисах встречается в древней священной книге зороастризма Авесте. В частности, в ней говорится: «Первой из лучших местностей и стран сотворил я, Ахурамазда, Арьянэм Вайчах….Второй из лучших Гану, где живут согдийцы…Третьей из лучших Мауру (Мерв)….Четвертой из лучших …Бахди (Бактрию)…Всего в Авесте перечислено 16 государств, среди которых: Согд, Бактрия, Маргиана, имеющие конкретную локализацию» [8]. Наиболее часто встречающееся название, а значит более достоверное — государство Бактрия, которое в Авесте называется Бахди. Встречается также термин «Арахтра», что возможно соответствует термину «Бахтар» [9]. Упоминание о Бактрии встречается также в ахеменидских надписях, в частности, на всемирно известной Бехистунской скале в Накш-и Рустаме [5]. Древнегреческий летописец Геродот [4] сообщает о том, что на пути ахеменидского царя Кира II после покорения Мидии «лежали Вавилон, бактрийский народ, саки и египтяне» [4]. По мнению большинства историков, Бактрия, наряду с Древним Египтом, развивалась как древнейшая цивилизация в разные времена, и она включала в себя Маргиану, Согд, Арею, что было подтверждено археологическими находками.

Кроме Бактрии, из государств-оазисов на территории Центральной Азии в VII–VI вв. до н.э., существуют исторические сведения о Древнем Хорезме. В своей третьей книге Геродот пишет о сооружении на реке Ак плотины, которая принадлежала хорезмийцам: «Есть в Азии долина, окруженная со всех сторон горой. Эта долина принадлежала некогда хорасмиям» [4]. Упоминание о хорезмийцах было и в другом древнем источнике. Гекатей около 500 г. до н.э. упоминал о «Большом Хорезме», занимающем территорию к востоку от Парфии, который охватывал 4 района Мерва и Герата». По мнению некоторых историков, «Большой Хорезм» был политическим объединением, одним из ранних государств в Приаралье и располагался в низовьях Амударьи. Хорезм обозначался как «земля солнца» [2].

Э.В. Ртвеладзе в своих трудах пишет, что история Хорезма уходит вглубь веков, в эпоху неолита — вторая половина IV–III тыс. до н.э. была культура охотников и рыболовов. В эпоху поздней бронзы, во второй половине II тыс. до н.э. — начале I тыс. до н.э. в Хорезме развивается земледельческая культура и скотоводство [11].

А.С. Сагдуллаев считает, что основной производительной силой в древних государствах-оазисах являлась домашняя община, объединяющая несколько семей под одной крышей сельского дома-усадьбы. Усадьбы объединились группами — три-четыре дома вокруг крупного городского центра или ремесленно-торгового поселения и хорошо укрепленной крепости-убежища. Древняя организация общественных структур отражена в «Авесте» и состоит из следующих социальных институтов управления: нманапати — домовладыка, виспати — старейшина общины, ханджамана — совет старейшин общины; въяха — народное собрание, дахъюпати — правитель области [12].

Из этого следует, что структура древнего управления городов-оазисов был иерархичной. Малые социальные структуры, объединяясь, создавали систему управления. Основной и главной функцией древних городов-государств оазисного типа было сохранение жизни людей. Из этой главной функции вытекали остальные. В древних городах-государствах было организовано строительство ирригационных сооружений, возведение оборонительных сооружений — стен, мостов, искусственных оврагов. При необходимости инициировалось отражение нападения извне. Одной из важных функций древних городов была организация возделывания земли и получения урожая. Кроме этого, социально значимой функцией являлась охрана храмов и поддержание религии.

Формирование первых городов-государств Древней земли Двуречья началось в VII–VI вв. до н.э., самые известные из них Согд, Бактрия и Древний Хорезм, которые локализовались возле древних рек. Для них характерно было возведение оросительных сооружений, начало возделывания сельскохозяйственных культур, строительство жилья и проведение других социальных работ вокруг рек, где можно было вести поливное земледелие. Древние государства-оазисы характеризуются зарождением культуры земледелия, развитием общественной деятельности, ремесла, архитектуры и строительства, торговли. Далее в государствах-оазисах появляется потребность в управлении, и таким образом возникают зачатки политической культуры и общественных традиций. Государства-оазисы сформировались на основе необходимости проводить и управлять общественными работами. Возникновение такого типа государств было наиболее типично для Центральной Азии в древний период и может характеризоваться как социальный путь зарождения государства.

В социальной иерархии выделялись различные слои-производители, нанятые в земледельческом хозяйстве, придомовом скотоводстве, в домашних промыслах, специализированном ремесле, строительных работах и лица, непосредственно не занятые в производстве, а выполняющие функции руководства, контроля, т.е. организационно-управленческие функции. К ним, относились главы домов-усадьб, старейшины общины, правители районов и служители культа. Основной производительной силой и опорной социальной структурой в древних государствах-оазисах являлась домашняя община, объединяющая несколько семей под одной крышей сельского дома усадьбы. В дальнейшем эти семьи консолидировались не только общей территорией, но и общим ремеслом, и именно эти социальные структуры явились предшественниками махаллей. В VIII–III века до н.э. несколько государств-оазисов объединяются в военно-политический союз, т.е. происходит централизация государства, вызванная объективными причинами защиты от нападения туров-кочевников. Одновременно с централизацией и объединением государств осуществляется переход от политеизма к монотеизму, т.е. среди множества божеств, которым поклонялись люди, выделяется и усиливается один — единый бог [1]. Эти процессы взаимно дополняют друг друга, появляются элементы общественного принуждения, государственно-властные структуры усиливаются.

Свидетельством развития социальных институтов является повсеместное распространение крупных укрепленных центров — это города-цитадели. Цитадели выполняли функцию культурного ядра города-государства, где происходили все значимые для древнего общества события.

Письменность на территории древнего Узбекистана появилась и распространилась IV–III веках до нашей эры, став одним из факторов, которые обусловили интенсивное развитие общества и государства. Именно письменность развила у людей способность абстрактно мыслить и обозначать знаками грамоты реальные предметы. С появлением письменности происходит необратимый процесс окончательной социализации человека, письменность явилась значительным открытием, обуславливающим дальнейший прогресс человечества. Во II тысячелетии до нашей эры оседлоземледельческое население региона уже имело историко-культурные связи с областями Индии, Афганистана и Ирана (приведены современные названия).

На основе находок на памятниках сапаллитепинской культуры прослежены связи Бактрии и хараппской цивилизации в формировании материальной культуры и архитектуры [3]. В VII–VI вв. до н.э. первые государственные образования Центральной Азии — Хорезм, Бактрия, Маргиана, Согд, а также племенные образования начинают налаживать дипломатические отношения с такими крупными государствами того времени, как Ассирия, Мидия и Ахеменидский Иран [6]. По утверждению проф. И.В. Пьянкова, первым известным в истории дипломатии Центральной Азии международным договором можно считать заключенное соглашение между царицей саков Зариной и мидийским царем Астиабаром, датируемое концом VII в. – началом VI в. до н.э.[10].

Заключение

Эволюция государственности, становление основных институтов государства и права на территории современной Центральной Азии происходили в различных условиях, но следует отметить именно социальную направленность формирования предгосударственных образований, которое характеризовались следующим: во-первых, общественные интересы преобладали над интересами одного человека, долгое время были регулятором общественных отношений и осуществлялись на коллективистских началах; во-вторых, морально-этическим нормам и традициям, как общественным регуляторам, придавали большое значение; в-третьих, оседлый образ жизни, занятие земледелием быстрее развивали общественные, в том числе и экономические отношения, способствовали становлению политической культуры и зарождению политических традиций; в-четвертых, одним из факторов ускоряющим развития государств была необходимость защиты от нападений туров-кочевников; различие в оседлой и кочевой цивилизаций на одной обширной территории приводит к ускорению процесса формирования древних государств; в-пятых, развитие оседлой и кочевой цивилизации на одной территории стало причиной толерантности; в-шестых, древние народности Центральной Азии пользовались одними источниками воды из рек Окс и Яксарт, что привело к началу формирования культуры отношения к воде.

Список литературы

1. Адилходжаева С.М. Эволюция и периодизация национальной государственности Узбекистана // Universum: общественные науки. – 2024. – № 1 (114). – С. 14–26.

2. Адилходжаева С. Эволюция национальной Государственности Узбекистана. – Generis Publishing, 2025. [Электронный ресурс].com. – 175 с. URL: www.generis,publiting (дата обращения: 31.10.2026).
3. Аскаров А.А. Проблемы становления городской культуры на юге Узбекистана и ее связи с Индостаном // Древние культуры Средней Азии и Индии. – 1984. – С. 87–97.
4. Геродот. История в девяти книгах. – Кн. 1. С. 153. – М.: Наука, 1964.
5. Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика Древнего Ирана. С. 104. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1980.
6. Мавлянов У.М. Коммуникации и торговые пути в Средней Азии: формирование и этапы развития: автореф. дис. … д-ра истор. наук. – Ташкент, 2009. – С. 19–20.
7. Мирзиёев Ш.М. Речь Президента на праздновании 30-летия независимости Узбекистана [Электронный ресурс]. URL: https://president.uz/ru/lists/view/4597 (дата обращения: 30.10.2026).
8. Очерки по истории государственности Узбекистана / под ред. Д.А. Алимовой, Э.В. Ртveладзе. – Ташкент: Шарк, 2001. – 207 с.
9. Пьянков И.В. Бактрия в античной традиции. – Душанбе, 1982. – С. 10–11.
10. Пьянков И.В. Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия. – Душанбе, 1950. – С. 173.
11. Ртveладзе Э.В. Историческое прошлое Узбекистана. С. 27. – Т.: «San’at jurnali», 2009.
12. Сагдуллаев А.С. Оседлые области юга Средней Азии в эпоху раннего железа (генезис культуры и социально-экономическая динамика): автореф. дис. … д-ра ист. наук. – Москва, 1989. – 32 с.
13. Тойноби. Постижение истории. – М.: Академический проект, 2023. – 800 с.

References

1. Toynobi. Toynobi Comprehending history. – M.: Academic project, 2023. – 800 P.
2. Mirziyoyev Sh.M. President's speech at the celebration of the 30th anniversary of Uzbekistan's independence [Электронный ресурс]. – URL: https://president.uz/ru/lists/view/4597 (accessed: 30.10.2026).
3. Essays on the History of Statehood of Uzbekistan / ed. D.A. Alimova, E.V. Rtveladze. – Tashkent: Sharq, 2001. – 207 P.
4. Pyankov I.V. Bactria in the ancient tradition. Dushanbe. 1982.P. 10–11.
5. Dandamaev M.A., Lukonin V.G. Culture and economy of Ancient Iran. GRVL. – M. 1980. P. 104.
6. Herodotus. History in nine books. Book 1. M., 1964. P. 153.
7. Ailkhodzhaeva S. Evolution of the national statehood of Uzbekistan. Generis Publishing 2025. www.generis,publiting, com 175 P.
8. Rtveladze E.V. Historical past of Uzbekistan.P. 27. – T.: «San’at jurnali», 2009.

9. Sagdullaev A.S. Settled regions of the south of Central Asia in the era of early iron (genesis of culture and socio-economic dynamics). Aftoref. Dis.d.ist.n. – M.: 1989. P. 32.
10. Askarov A.A. Problems of the formation of urban culture in the south of Uzbekistan and its connection with Hindustan // Ancient cultures of Central Asia and India. – 1984.
11. Adilkhodzhaeva S.M. Evolution and periodization of the national statehood of Uzbekistan // UNIVERSUM: SOCIAL SCIENCES. – 2024. – No. 1 (114).
12. Mavlyanov U.M. Communications and trade routes in Central Asia: formation and stages of development.: Author. dis. doc. istor. sciences. – Tashkent, 2009. – P. 19–20.
13. Pyankov I.V. Central Asia in the news of the ancient historian Ctesias. – Dushanbe, 1950. – P. 173.

ФИЛОСОФИЯ

ФИЛОСОФИЯ И ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Статья поступила в редакцию: 27.10.2026
Статья принята к публикации: 01.11.2026
Статья опубликована: 15.11.2026

УДК 101+316.4+502

DOI: 10.32743/UniSoc.2026.138.11.23644

Социально-философские аспекты национальных приоритетов устойчивого развития Азербайджана

Гусейнов Сакит Яхья оглы
д-р филос. наук, проф., заведующий отделом философии и социологии устойчивого развития Институт философии и социологии Национальная академия наук Азербайджана (НАНА)
Азербайджанская Республика, г. Баку
ORCID: 0000-0002-3625-7890
E-mail: akima199192@gmail.com

Socio-philosophical aspects of Azerbaijan's national sustainable development priorities

Huseynov Sakit Yahya
doctor of Philosophical Sciences
professor Head of the Department of Philosophy and Sociology of Sustainable Development
Institute of Philosophy and Sociology
Azerbaijan National Academy of Sciences (ANAS)
Azerbaijan, Baku

Аннотация

В статье исследуется социально-философское содержание национальных приоритетов устойчивого развития Азербайджана и их связь с принципами социальной справедливости, человеческого достоинства и межпоколенческой ответственности. Цель работы состоит в выявлении ценностных оснований пяти национальных приоритетов и определении критериев их гуманистической интерпретации. Методологическую основу составляют системный, диалектический, сравнительный и аксиологический подходы, а также содержательный анализ национальных стратегических документов и международных

Библиографическое описание: Гусейнов С.Я. оглы Социально-философские аспекты национальных приоритетов устойчивого развития Азербайджана // Universum: общественные науки : электрон. научн. журн. 2026. 11(138). URL: https://7universum.com/ru/social/archive/item/23644

докладов. Исследование имеет теоретико-аналитический характер и не претендует на количественную оценку реализации государственных программ. Установлено, что экономическая конкурентоспособность, социальная инклюзивность, развитие человеческого капитала, территориальное восстановление и экологическая безопасность образуют взаимосвязанную систему целей. Предложена качественная схема анализа, включающая достойную занятость, доступность социальных возможностей, сохранение культурных связей, экологическую справедливость и учёт интересов будущих поколений. Показано, что формальное закрепление приоритетов не тождественно достижению общественно значимых результатов. Особое внимание уделено противоречиям между технологическим прогрессом и равенством возможностей, краткосрочной выгодой и долгосрочной устойчивостью, национальной самобытностью и общечеловеческими ценностями. Сделан вывод о необходимости дополнения экономических индикаторов социально-нравственными критериями и последующей эмпирической проверки предложенного подхода.

Abstract

The article examines the socio-philosophical meaning of Azerbaijan’s national sustainable development priorities and their relationship to social justice, human dignity, and intergenerational responsibility. The study aims to identify the value foundations of the five national priorities and to formulate criteria for their human-centered interpretation. Its methodology combines systemic, dialectical, comparative, and axiological approaches with a qualitative analysis of national strategic documents and international reports. The research is theoretical and analytical in nature; it does not claim to measure the actual effectiveness of public programs. The analysis indicates that economic competitiveness, social inclusion, human capital development, territorial recovery, and environmental protection form an interconnected framework of development goals. A qualitative interpretive framework is proposed, encompassing decent employment, access to social opportunities, the preservation of cultural ties, environmental justice, and the interests of future generations. The study distinguishes the formal adoption of strategic objectives from their practical social outcomes. Particular attention is paid to tensions between technological advancement and equal opportunity, short-term economic benefits and long-term sustainability, and national cultural identity and universal values. It concludes that conventional economic indicators should be complemented by ethical and social criteria. The proposed framework also requires subsequent empirical testing using regional, social, and environmental evidence before claims about policy outcomes can be substantiated.

Ключевые слова: устойчивое развитие, национальные приоритеты, социальная философия, глобализация, социальная справедливость.

Keywords: sustainable development, national priorities, social philosophy, globalization, social justice.

Введение

В современную эпоху развитие человечества сопровождается глобальными экономическими, социальными, технологическими и экологическими трансформациями. Углубление экономической интеграции, стремительное распространение цифровых

технологий, интенсификация использования природных ресурсов и усложнение общественных отношений обусловливают необходимость переоценки перспектив дальнейшего развития общества. В этих условиях устойчивое развитие представляет собой не только направление экономической политики, но и социально-философскую концепцию, определяющую отношение человека к природе, обществу и будущим поколениям.

В основе устойчивого развития лежит достижение равновесия между удовлетворением потребностей нынешнего поколения и сохранением жизненных возможностей будущих поколений. На каких нравственных принципах должен основываться экономический прогресс? Можно ли определять благосостояние общества исключительно ростом материального богатства? Как обеспечить согласование национальных интересов с общечеловеческой ответственностью? Эти вопросы актуализируют философский анализ проблемы.

На современном этапе развития Азербайджана укрепление экономического потенциала, повышение социального благосостояния, развитие человеческого капитала, восстановление пострадавших территорий и сохранение экологического равновесия выступают взаимосвязанными стратегическими направлениями. Их реализация наряду с управленческими механизмами требует укрепления принципов ответственности, солидарности и справедливости в системе общественных ценностей. Исследовательская проблема состоит в недостаточной разработанности критериев, позволяющих интерпретировать национальные стратегические приоритеты как целостную систему общественных ценностей. В отличие от статистической оценки достижения целевых показателей, настоящая работа сосредоточена на нормативных основаниях, взаимосвязях и возможных противоречиях между приоритетами.

Материалы и методы

Исследование носит теоретико-аналитический характер. Его эмпирическая база ограничена опубликованными стратегическими документами Азербайджана и международными докладами; опросы, интервью, эконометрические расчёты и измерение фактической результативности государственных программ не проводились. Это разграничение необходимо для корректной интерпретации полученных выводов.

На первом этапе методом содержательного анализа выделены пять национальных приоритетов, зафиксированных в документе «Азербайджан 2030» [2], и установлена их связь с положениями Повестки дня ООН до 2030 года [3]. На втором этапе системный подход применён для выявления связей между экономической устойчивостью, социальной инклюзивностью, человеческим капиталом, восстановлением территорий и экологической ответственностью. Диалектический метод использован для анализа противоречий между краткосрочной экономической выгодой и долгосрочными общественными интересами, инновациями и равенством возможностей, национальными особенностями и универсальными ценностями. Сравнительный и аксиологический подходы опираются на концепции развития как свободы А. Сена [4] и человеческих возможностей М. Нуссбаум [6]. Результатом аналитической процедуры является качественная матрица критериев,

связывающая каждый национальный приоритет с его социально-философским содержанием. Предложенные критерии имеют интерпретационный, а не статистический характер и не должны рассматриваться как доказательство уже достигнутых социальных эффектов.

Результаты и обсуждение

Сопоставление национальных приоритетов с концепциями человеческого развития показывает, что пять стратегических направлений объединяются общим нормативным основанием: развитие должно расширять реальные возможности человека при сохранении природных и культурных условий жизни. Такая трактовка соответствует межпоколенческому принципу, закреплённому в докладе Всемирной комиссии по окружающей среде и развитию [9]. Для аналитического разграничения предложены следующие взаимосвязанные критерии: для конкурентоспособной экономики — качество занятости и общественная полезность роста; для инклюзивного общества — доступность благ и доверие; для человеческого капитала — реальные возможности образования и самореализации; для территориального восстановления — возрождение социальных связей и сохранение культурной среды; для «зелёного роста» — экологическая справедливость и долгосрочная безопасность. Это авторская качественная схема, требующая самостоятельной эмпирической проверки.

Социально-философская сущность концепции устойчивого развития

Если в традиционных подходах к экономическому развитию основными показателями считаются расширение производства, рост капитала и материальное благосостояние, то концепция устойчивого развития требует учитывать также социальные и экологические последствия прогресса. Доклад ООН «The Sustainable Development Goals Report 2025» («Доклад о Целях в области устойчивого развития — 2025») показывает, что наряду с достигнутым прогрессом в глобальном развитии сохраняются социальное неравенство, изменение климата и ресурсные ограничения [1]. Эти обстоятельства обусловливают необходимость оценки развития на основе этических и социальных критериев, согласующих интересы нынешних и будущих поколений. С социально-философской точки зрения устойчивое развитие предполагает единство трёх отношений: человека к обществу, общества к природе и нынешнего поколения к будущим поколениям. Первое отношение связано с социальной справедливостью и солидарностью, второе — с экологическим равновесием, третье — с межпоколенческой ответственностью. Нарушение одного из этих отношений ослабляет общую сбалансированность развития.

Устойчивое развитие не означает отрицания экономического роста, а предполагает оценку его целей и результатов по гуманистическим критериям. Человек должен рассматриваться не только как участник производственного процесса и потребитель материальных благ, но и как личность, обладающая духовным, социальным и творческим потенциалом. Такой подход признаёт необходимость материальных показателей для измерения прогресса, одновременно подчёркивая их недостаточность. Диалектическая сущность концепции проявляется в стремлении выявить и согласовать противоречия между экономической активностью и экологической безопасностью, технологическими инновациями и социальным равенством, национальными интересами и глобальным

сотрудничеством. Поэтому философский анализ устойчивого развития предполагает не простое перечисление целей, а исследование их взаимного влияния и возможных негативных последствий.

Ценностное содержание национальных приоритетов развития Азербайджана

В документе «Азербайджан 2030: Национальные приоритеты социально-экономического развития» определены пять направлений: устойчивая, растущая и конкурентоспособная экономика; динамичное, инклюзивное общество, основанное на социальной справедливости; конкурентоспособный человеческий капитал и пространство современных инноваций; великое возвращение на территории, на которых ведутся восстановительные работы; страна с чистой окружающей средой и «зелёным ростом» [2]. С социально-философской точки зрения эти направления могут рассматриваться как отдельные проявления единой системы ценностей.

Социальный смысл первого приоритета состоит в служении экономической деятельности общественному благосостоянию. Повышение конкурентоспособности приобретает более полное содержание, когда связывается не только с экономическими показателями, но и с достойной занятостью, творческой деятельностью и расширением социальных возможностей. Второй приоритет требует справедливого доступа к результатам развития. Третий приоритет рассматривает интеллектуальный и творческий потенциал человека как главное богатство общества. Человеческий капитал означает не только повышение производительности труда, но и реализацию личностью своих возможностей, самостоятельность мышления и активное участие в общественной жизни. Четвёртый приоритет объединяет понятия пространства, исторической памяти, культурной привязанности и социальной интеграции. Восстановление жизненного пространства наряду со строительством инфраструктуры означает возрождение социальных связей и культурной жизни. Пятый приоритет требует осознания природы не только как экономического ресурса, но и как необходимого условия человеческой жизни и будущего развития. Стратегия социально-экономического развития Азербайджана на 2022–2026 годы представляет собой программный документ, конкретизирующий меры по реализации указанных национальных приоритетов [5]. Вместе с тем провозглашение нормативных целей не означает, что все их социальные результаты уже достигнуты; степень реализации требует отдельной эмпирической оценки.

Социальная справедливость, человеческий капитал и гуманистические ценности

Важным направлением социально-философских оснований устойчивого развития является определение места человека в процессе развития. В современных подходах человек выступает не только объектом экономических отношений, но и активным субъектом, способным преобразовывать свою социальную среду. Амартия Сен в работе «Development as Freedom» («Развитие как свобода») связывает развитие с расширением реальных свобод и возможностей выбора людей [4]. Согласно этому подходу значение экономического роста определяется его влиянием на возможности людей получать образование, вести здоровый

образ жизни, участвовать в трудовой деятельности и реализовывать себя в общественной жизни. С точки зрения национальных приоритетов Азербайджана развитие человеческого капитала следует оценивать не только как повышение профессиональных знаний, но и как расширение социальных и духовных возможностей.

Марта Нуссбаум в работе «Creating Capabilities: The Human Development Approach» («Создание возможностей: подход, основанный на человеческом развитии») выдвигает на первый план человеческое достоинство и создание возможностей, необходимых для достойной жизни [6]. Образование, здравоохранение, социальная защита, участие в культурной жизни и интеграция в общественные отношения с этой точки зрения являются взаимодополняющими направлениями. Необходимо учитывать различие между наличием формальных прав и реальными возможностями их осуществления.

Социальная справедливость не ограничивается распределением благ. Она связана с уважением человеческого достоинства, доверием в общественных отношениях, защитой уязвимых групп и возможностями участия в принятии решений. При оценке политики устойчивого развития важное место должны занимать межрегиональные различия, доступ к качественному образованию, доступность социальных услуг и инклюзивная среда. Оценка человеческого капитала исключительно по критерию экономической полезности сужает его философское содержание. Хотя вклад знаний и навыков в производство имеет большое значение, духовное развитие личности, её культурное самовыражение и общественная ответственность также являются неотъемлемой частью устойчивого развития.

Диалектическая взаимосвязь национальных и общечеловеческих ценностей

В условиях глобализации согласование сохранения национальных особенностей с универсальными принципами развития относится к числу основных философских проблем. Расширение экономических и информационных связей усиливает взаимозависимость; в то же время историческая память, культурное наследие и социальный опыт каждого народа придают его модели развития своеобразие. Отношения между национальными и общечеловеческими ценностями следует рассматривать не как противостояние, а как взаимное обогащение. Национальные ценности обеспечивают историческую преемственность, тогда как общечеловеческие принципы выражают такие общие цели, как права человека, мир, справедливость и экологическая ответственность. Принятый Генеральной Ассамблеей ООН в 2015 году документ «Transforming Our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development» («Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года») определяет 17 Целей устойчивого развития [3].

Соотнесение этих целей с национальными стратегиями означает не механическое перенесение международных принципов, а их применение с учётом социальной структуры и культурных особенностей страны. Такие ценности, как взаимопомощь, общинная солидарность, культура труда и межпоколенческие связи, могут способствовать устойчивости общественных отношений.

Обращение к национальным ценностям не следует понимать как закрытость для нововведений. Устойчивое развитие требует творческой связи традиции и современности, сочетания сохранения национального своеобразия с освоением научно-технических инноваций. Для этого необходимо также учитывать равновесие между культурным многообразием и гражданским равенством.

Экологическое сознание и межпоколенческая ответственность

Отношение человека к природе долгое время оценивалось преимущественно с позиций использования ресурсов и удовлетворения материальных потребностей. Современные экологические проблемы требуют пересмотра этических оснований этого отношения. Экологическая философия подчёркивает, что природа является не только фактором производства, но и необходимым условием существования человека. В обобщающем докладе Межправительственной группы экспертов по изменению климата за 2023 год отмечаются социально неравномерные последствия климатических рисков и значение защиты уязвимых сообществ [7]. С социально-философской точки зрения эти выводы требуют укрепления принципов ответственности, экологической справедливости и защиты интересов будущих поколений в отношениях человека с природой. Социально-философское значение приоритета чистой окружающей среды и зелёного роста заключается в том, что экологические проблемы невозможно решить исключительно техническими мерами. Наряду с правовым регулированием и современными технологиями необходимо формировать экологическое сознание, ответственное потребление, общественную просвещённость и культуру уважения к природе. При восстановлении территорий согласование экономической эффективности с экологическим равновесием, а социальных потребностей — с сохранением культурного наследия имеет значение для долгосрочного развития. Этот подход представляет собой не эмпирическое утверждение о результатах конкретных проектов, а нормативно-философский критерий, применимый при их оценке.

Глобальные трансформации и вызовы национальному развитию

Цифровизация, распространение искусственного интеллекта, изменения на рынке труда и рост международной взаимозависимости наряду с новыми возможностями порождают такие проблемы, как цифровое неравенство, устаревание профессиональных навыков и информационная безопасность. Поэтому важно заблаговременно оценивать социальные последствия технологического прогресса. В докладе Программы развития ООН «Human Development Report 2025: A Matter of Choice—People and Possibilities in the Age of AI» («Доклад о человеческом развитии — 2025: вопрос выбора — люди и возможности в эпоху искусственного интеллекта») подчёркивается необходимость сохранения возможностей выбора и перспектив развития человека в качестве основных критериев в эпоху искусственного интеллекта. Следовательно, технологические изменения следует оценивать не только по их экономической эффективности, но и по влиянию на человеческое достоинство, равенство возможностей и социальное благополучие [8].

С точки зрения национальных приоритетов Азербайджана основной вызов состоит в согласовании технологического прогресса с гуманистическими целями. Технологии должны повышать качество жизни людей, расширять их творческие возможности и служить развитию общественных отношений. Одновременно политика конкуренции и инноваций должна дополняться принципами социальной защиты и равных возможностей. Второй вызов заключается в обеспечении равновесия между краткосрочными экономическими интересами и долгосрочными социальными и экологическими целями. При оценке национального развития следует учитывать справедливое распределение благ, возможности в сфере образования и здоровья, национально-культурные ценности, влияние технологий на человеческое достоинство и интересы будущих поколений. Эти критерии не заменяют официальную статистику, а дополняют её социально-нравственную интерпретацию. Обсуждение результатов выявляет и ограничения нормативного подхода. Провозглашённые ценности не гарантируют их практического осуществления: между доступностью услуг и их качеством, между технологическим ростом и равным участием, между инфраструктурным восстановлением и устойчивостью местных сообществ возможны расхождения. Поэтому будущие исследования должны дополнять философский анализ проверяемыми региональными и социальными показателями. Сохранение культурного разнообразия также требует сочетания национальной преемственности с уважением универсальных прав и равенства граждан. В этой связи международная Конвенция ЮНЕСКО об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения [10] служит дополнительным нормативным ориентиром.

Заключение

Социально-философский анализ национальных приоритетов устойчивого развития Азербайджана показывает, что устойчивое развитие не ограничивается экономическим ростом и технологической модернизацией. Оно охватывает взаимосвязь человека, общества и природы, единство национальных и общечеловеческих ценностей, социальную справедливость и ответственность перед будущими поколениями. Во-первых, национальные приоритеты представляют собой систему взаимосвязанных целей: экономическое развитие, человеческий капитал, социальное благосостояние и экологическая безопасность являются частями единого процесса общественного развития. Во-вторых, гуманистическая сущность развития требует признания человека не только участником экономической деятельности, но и главной целью и активным субъектом развития. В-третьих, социальная справедливость и инклюзивность являются нравственными основами национальной модели развития. В-четвёртых, сохранение национально-культурного наследия необходимо согласовывать с глобальным сотрудничеством и инновационным развитием. В-пятых, экологическая ответственность и учёт интересов будущих поколений составляют этическую основу устойчивого развития.

Таким образом, реализация национальных приоритетов устойчивого развития Азербайджана должна основываться на взаимном единстве экономического прогресса и социальной справедливости, национально-духовных ценностей и общечеловеческих принципов, благосостояния человека и экологической ответственности. В этом отношении устойчивое развитие представляет собой не только осуществление стратегических целей, но

и процесс раскрытия творческого потенциала человека, укрепления общественной солидарности и формирования благоприятных условий жизни для будущих поколений. Именно согласование этих принципов определяет социально-философскую сущность модели устойчивого развития Азербайджана.

Список литературы

1. United Nations Department of Economic and Social Affairs. The Sustainable Development Goals Report 2025. New York: United Nations [Электронный ресурс]. URL: https://unstats.un.org/sdgs/report/2025/ (дата обращения: 26.10.2026).
2. Президент Азербайджанской Республики. Азербайджан 2030: Национальные приоритеты социально-экономического развития: распоряжение от 2 февраля [Электронный ресурс]. – 2021. – № 2469. URL: https://president.az/az/articles/view/50474 (дата обращения: 26.10.2026).
3. Организация Объединённых Наций. Генеральная Ассамблея. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года: резолюция A/RES/70/1 [Электронный ресурс]. – 2015. URL: https://sdgs.un.org/2030agenda (дата обращения: 26.10.2026).
4. Sen A. Development as Freedom. – New York: Alfred A. Knopf, 1999. – 366 P.
5. Президент Азербайджанской Республики. Стратегия социально-экономического развития Азербайджанской Республики на 2022–2026 годы: распоряжение от 22 июля [Электронный ресурс]. – № 3378. URL: https://president.az/az/articles/view/56723 (дата обращения: 26.10.2026).
6. Nussbaum M.C. Creating Capabilities: The Human Development Approach. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press. – 2011. – 256 P.
7. Intergovernmental Panel on Climate Change. Climate Change 2023: Synthesis Report / ed. H. Lee, J. Romero. – Geneva: IPCC, 2023. – DOI: 10.59327/IPCC/AR6-9789291691647.
8. United Nations Development Programme. Human Development Report 2025: A Matter of Choice: People and Possibilities in the Age of AI. New York: UNDP [Электронный ресурс]. URL: https://hdr.undp.org/content/human-development-report-2025 (дата обращения: 26.10.2026).
9. World Commission on Environment and Development. Our Common Future. – Oxford: Oxford University Press, 1987. – 400 P.
10. UNESCO. Convention on the Protection and Promotion of the Diversity of Cultural Expressions. Paris: UNESCO [Электронный ресурс]. – 2005. URL: https://www.unesco.org/en/legal-affairs/convention-protection-and-promotion-diversity-cultural-expressions (дата обращения: 26.10.2026).

References

1. United Nations Department of Economic and Social Affairs. The Sustainable Development Goals Report 2025. New York: United Nations [Электронный ресурс]. – URL: https://unstats.un.org/sdgs/report/2025/ (accessed: 26.10.2026).
2. President of the Republic of Azerbaijan. Azerbaijan 2030: National Priorities for Socio-Economic Development. Order, 2 February 2021. (In Azerb.) [Электронный ресурс]. – No. 2469. – URL: https://president.az/az/articles/view/50474 (accessed: 26.10.2026).
3. United Nations. General Assembly. Transforming Our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development. Resolution A/RES/70/1 [Электронный ресурс]. – 2015. – URL: https://sdgs.un.org/2030agenda (accessed: 26.10.2026).
4. Sen A. Development as Freedom. – New York: Alfred A. Knopf, 1999. – 366 P.
5. President of the Republic of Azerbaijan. Strategy for Socio-Economic Development of the Republic of Azerbaijan for 2022–2026. Order, 22 July 2022. (In Azerb.) [Электронный ресурс]. – No. 3378. – URL: https://president.az/az/articles/view/56723 (accessed: 26.10.2026).
6. Nussbaum M.C. Creating Capabilities: The Human Development Approach. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press. – 2011. – 256 P.
7. Intergovernmental Panel on Climate Change. Climate Change 2023: Synthesis Report / ed. H. Lee, J. Romero. – Geneva: IPCC, 2023. – DOI: 10.59327/IPCC/AR6-9789291691647.
8. United Nations Development Programme. Human Development Report 2025: A Matter of Choice: People and Possibilities in the Age of AI. New York: UNDP [Электронный ресурс]. – URL: https://hdr.undp.org/content/human-development-report-2025 (accessed: 26.10.2026).
9. World Commission on Environment and Development. Our Common Future. – Oxford: Oxford University Press, 1987. – 400 P.
10. UNESCO. Convention on the Protection and Promotion of the Diversity of Cultural Expressions. Paris: UNESCO [Электронный ресурс]. – 2005. – URL: https://www.unesco.org/en/legal-affairs/convention-protection-and-promotion-diversity-cultural-expressions (accessed: 26.10.2026).

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Статья поступила в редакцию: 26.10.2026
Статья принята к публикации: 01.11.2026
Статья опубликована: 15.11.2026

УДК 004.056+316.42+17.02

DOI: 10.32743/UniSoc.2026.138.11.23650

Информационная безопасность личности в условиях цифровой трансформации: экзистенциальные риски и ценностные противоречия

Бурнашев Ринат Фаритович
доц.
Самаркандский государственный институт иностранных языков
Республика Узбекистан, г. Самарканд
E-mail: burnashev1982@gmail.com

Тилляева Мадина Махсудовна
студент
Самаркандский государственный институт иностранных языков
Республика Узбекистан, г. Самарканд
E-mail: madinatillyaeva927@gmail.com

Personal information security in the context of digital transformation: existential risks and value contradictions

Burnashev Rinat Faritovich
Associate Professor
Samarkand State Institute of Foreign Languages
Republic of Uzbekistan, Samarkand

Tillyaeva Madina Makhsudovna
student
Samarkand State Institute of Foreign Languages Samarkand
Republic of Uzbekistan

Аннотация

Целью исследования является выявление экзистенциальных рисков и ценностных противоречий информационной безопасности личности в цифровом обществе, уточнение критериев её оценки и обозначение возможностей их эмпирической проверки. Исследование носит теоретико-методологический характер; эмпирические данные не собирались. Применены социально-философский, экзистенциально-феноменологический, аксиологический и сравнительно-концептуальный методы. Обосновано различие между

Библиографическое описание: Бурнашев Р.Ф., Тилляева М.М. Информационная безопасность личности в условиях цифровой трансформации: экзистенциальные риски и ценностные противоречия // Universum: общественные науки : электрон. научн. журн. 2026. 11(138). URL: https://7universum.com/ru/social/archive/item/23650

технической защищённостью информации и сохранением условий самостоятельного действия личности. Выделены риски утраты аутентичности, ограничения автономии, цифрового отчуждения и экзистенциальной неопределённости, а также противоречия между свободой и контролем, приватностью и открытостью, автономией и персонализацией, ответственностью человека и автоматизацией решений. Предложены четыре взаимосвязанных критерия: онтологический (признание человека субъектом, не сводимым к цифровому профилю), гносеологический (критическая оценка информации), аксиологический (приоритет достоинства, свободы и приватности) и праксеологический, или социально-практический (реальная осуществимость защиты прав и пересмотра решений). Уточнено, что онтологический статус личности не измеряется непосредственно: проверке подлежат его институциональные проявления – доступ к объяснению, исправлению данных и человеческому пересмотру значимых решений. Для последующего исследования предложено сочетать анализ правил и практик обжалования автоматизированных решений с заданиями на цифровую и медиаграмотность и интервью пользователей разных групп. Сформулированные индикаторы являются исследовательскими предложениями, а не результатами проведённого измерения.

Abstract

The article examines existential risks and value contradictions of personal information security in the digital society, refines the criteria for its assessment, and outlines possible empirical tests. This is a theoretical and methodological study; no empirical data were collected. Socio-philosophical, existential-phenomenological, axiological, and comparative-conceptual approaches are employed. A distinction is drawn between protecting information systems and preserving the conditions for individuals to act autonomously. Four risks are identified: loss of authenticity, restricted autonomy, digital alienation, and existential uncertainty. The main value tensions involve freedom and control, privacy and openness, autonomy and algorithmic personalization, and human responsibility and automated decisions. The proposed framework comprises four criteria: ontological (recognition of the person as a subject irreducible to a digital profile), epistemological (critical assessment of information), axiological (priority of dignity, freedom, and privacy), and praxeological or socio-practical (effective access to remedies and decision review). The ontological status of personhood cannot be measured directly; empirical inquiry can instead examine its institutional manifestations, including access to explanations, data correction, and human reconsideration of consequential decisions. Future studies could combine analysis of automated-decision appeals with digital and media literacy tasks and interviews across user groups. These indicators constitute a proposal for future validation, not findings from completed fieldwork.

Ключевые слова: информационная безопасность личности, цифровая трансформация, экзистенциальные риски, автономия, аутентичность, субъектность, ценностные противоречия.

Keywords: personal information security, digital transformation, existential risks, autonomy, authenticity, subjectivity, value contradictions.

Введение

Цифровая трансформация меняет познание, общение и формирование идентичности. Поисковые системы, рекомендательные алгоритмы, платформы и генеративный искусственный интеллект выступают посредниками между человеком и обществом. Они отбирают содержание и предлагают пользователю способы действия. Расширение коммуникации сопровождается асимметрией влияния. Технологический подход связывает безопасность с конфиденциальностью, целостностью и доступностью информации. Однако даже технически защищённая система способна ограничивать свободу суждений посредством интерфейсных манипуляций и непрозрачного отбора альтернатив. В работе Р. Бурнашева информационная безопасность личности рассматривается как социально-философская проблема, выходящая за пределы сохранности данных [1]. В настоящем исследовании этот тезис уточняется через оценку возможности осмысленного несогласия, исправления цифрового профиля и пересмотра решений, затрагивающих права человека. Теоретическую основу составляют концепции дисциплинарной власти М. Фуко [2] и коммуникативного обоснования норм Ю. Хабермаса [3]. Проблемы этической ответственности при использовании искусственного интеллекта рассмотрены М. Кукельбергом [4], а изменение условий человеческого существования в гиперсвязанной среде раскрывается в «Манифесте онлайф», подготовленном исследовательской группой под редакцией Л. Флориди [5]. М. Хайдеггер подчёркивал: «Сущность техники вовсе не является чем-то техническим» [6]; для данной статьи это означает необходимость анализировать социальный способ применения техники, а не только её устройство. К. Кярки исследует неравенство возможностей противодействовать цифровому отвлечению [7]; Ж.-П. Сартр связывает свободу с ответственностью за выбор [8]. Б. Ваассен анализирует зависимость личной автономии от непрозрачности алгоритмических решений [9], Ш. Валлор – ограничения предсказательных технологий как моделей человеческого будущего [10], Ш. Зубофф – экономическую логику надзорного капитализма [11]. Цель статьи – уточнить критерии безопасности, не сводимые к защите данных, и предложить способы их эмпирической проверки. Рабочая гипотеза состоит в том, что информационная безопасность личности предполагает институционально обеспеченную возможность самостоятельного выбора и оспаривания значимых решений.

Материалы и методы

Исследование является теоретико-методологическим. Материалом послужили философские работы о свободе, технике и власти, а также публикации об алгоритмических решениях и цифровом внимании. Социально-философский подход использован для анализа отношений власти между человеком и цифровыми институтами; экзистенциально-феноменологический – для разграничения аутентичного выбора и адаптации к навязанным альтернативам; аксиологический – для выявления конфликтов свободы, безопасности и приватности; сравнительно-концептуальный – для сопоставления технических и субъектно-антропологических критериев. В качестве аналитического приёма применена модель «угроза

– механизм цифрового воздействия – затронутая ценность – доступное средство защиты». Это позволяет отличать характеристику платформы от последствий для способности личности действовать самостоятельно.

Единицей теоретического анализа выступает ситуация цифрового взаимодействия, в которой решение алгоритмической системы может повлиять на жизненные возможности человека. Опросы, интервью, наблюдения и анализ административных дел в рамках статьи не проводились; описываемые далее ситуации имеют характер мысленных примеров, а предложенные индикаторы требуют самостоятельной эмпирической апробации. Поэтому выводы относятся к концептуальной обоснованности критериев, а не к установленной распространённости рисков.

Результаты исследования

В условиях цифровой трансформации современного общества происходит существенное изменение характера человеческой субъектности, выражающееся в преобразовании механизмов познания, коммуникации, самоидентификации и принятия решений. Субъектность в данном контексте понимается как способность личности осознавать основания собственных действий, соотносить их с индивидуальными ценностями, осуществлять самостоятельный выбор и принимать ответственность за его последствия. Цифровизация не обязательно ослабляет данную способность, поскольку современные информационные технологии расширяют доступ к знаниям, образовательным ресурсам и различным формам общественного участия. Вместе с тем персонализированные цифровые платформы и алгоритмические системы предоставляют пользователю не нейтральную совокупность сведений, а предварительно отобранную информационную картину действительности. В подобных условиях самостоятельный выбор источников информации и критическое осмысление получаемых сведений становятся необходимыми предпосылками обеспечения информационной безопасности личности. Предлагается различать цифровой профиль и личностную идентичность. Первый представляет собой поддающуюся вычислительной обработке совокупность сведений, присвоенных признаков и прогнозных оценок; вторая связана с продолжающимся рефлексивным самоопределением человека. Это различие существенно в контексте надзорного капитализма, при котором поведенческие данные могут использоваться для прогнозирования и формирования будущих действий [11]. Алгоритмический профиль способен влиять на доступ к услугам и возможностям, но не должен приобретать статус окончательного суждения о человеке. Авторский тезис заключается в том, что онтологическая угроза возникает не от самого существования профиля, а при институциональном отождествлении профиля с личностью: когда человек не может исправить значимые сведения, получить объяснение решения или добиться рассмотрения своей индивидуальной ситуации. Тем самым субъектно-антропологическое понимание информационной безопасности [1] дополняется указанием на проверяемые условия сохранения субъектного статуса. Социально-философский анализ позволяет выделить четыре взаимосвязанные группы экзистенциальных рисков цифровой трансформации. Утрата аутентичности означает подмену собственных мотивов и жизненных целей ориентацией на показатели рейтинга и одобрения; ограничение автономии – сужение пространства осознанных альтернатив вследствие непрозрачной настройки рекомендаций;

цифровое отчуждение – ослабление возможности непосредственно влиять на условия взаимодействия, заданные платформой; экзистенциальная неопределённость – затруднение установления различия между событием, интерпретацией и синтетическим изображением действительности. Эти риски необходимо различать по механизмам: рейтинг влияет на мотивацию, алгоритмическая селекция – на доступные варианты, платформенные правила – на способность участвовать в их изменении, а синтетический контент – на доверие к знанию. Такая типология не означает, что каждый пользователь переживает все четыре риска: их наличие и выраженность зависят от контекста и требуют эмпирической проверки.

Воздействие цифровых технологий на личность не является исключительно негативным или технологически предопределённым. Расширение доступа к альтернативным источникам способно укреплять самостоятельность мышления, тогда как непрозрачное управление вниманием – ослаблять её. Ж.-П. Сартр писал: «человек осуждён быть свободным» [8, с. 327]. Применительно к цифровой среде этот тезис не означает, будто любой выбор пользователя уже свободен: ответственность человека нельзя обсуждать вне доступного ему набора альтернатив и возможности понять последствия своих действий. Поэтому предлагаемое различение состоит в следующем: формальная возможность нажать кнопку подтверждения ещё не равнозначна содержательной автономии, если значимая информация скрыта или отказ фактически невозможен. Именно такое расхождение между формальным и содержательным выбором образует особый экзистенциальный аспект информационного риска.

Ценностные противоречия цифрового общества особенно заметны в соотношении свободы и информационного контроля. Мониторинг может повышать безопасность и предотвращать злоупотребления, однако без соразмерных ограничений наблюдение способно стимулировать самоцензуру и зависимость человека от внешней оценки. М. Фуко, характеризуя дисциплинарную власть, использовал формулу «Видимость – это ловушка» [2]. Применение этой идеи к цифровым платформам требует оговорки: цифровая среда не тождественна дисциплинарным учреждениям, а наблюдение может преследовать законные защитные цели. Авторская позиция заключается в том, что критерием допустимости мониторинга служит не его наличие само по себе, а сочетание определённости цели, соразмерности вмешательства, информированности пользователя и доступности независимого пересмотра спорного применения контроля. Противоречие между приватностью и информационной открытостью проявляется в том, что расширение публичной коммуникации одновременно увеличивает возможности участия и риски использования персональных сведений. Противоречие между автономией и алгоритмической персонализацией состоит в двойственном эффекте рекомендаций: они облегчают поиск информации, но могут закреплять привычный набор вариантов. Наконец, автоматизация решений повышает скорость обработки обращений, но усложняет распределение ответственности за ошибочный результат. Концепция надзорного капитализма Ш. Зубофф объясняет экономическую заинтересованность платформ в прогнозировании поведения на основе собираемых данных [11]. Однако не всякая персонализация равнозначна манипуляции: социально-философская оценка должна устанавливать, насколько человек информирован о принципах отбора, может изменить настройки и располагает реальными способами возражения.

Предложенные ценностные противоречия нельзя разрешить ни простым увеличением контроля, ни отказом от цифровых услуг. Требуется оценивать, какие именно интересы затронуты, допускается ли менее ограничительное средство обеспечения безопасности и предусмотрен ли пересмотр решения. В этой связи предлагается трёхуровневое различение: техническая безопасность защищает данные и работу систем; процедурная безопасность обеспечивает объяснимость, предсказуемость и оспоримость значимых решений; экзистенциальная безопасность характеризует сохранение способности человека определять собственные цели. Указанные уровни не заменяют друг друга: целостность базы данных ещё не подтверждает справедливость решения, а формально установленная процедура обжалования не гарантирует её фактической доступности. На основании проведённого анализа предлагается четыре взаимосвязанных критерия информационной безопасности личности. Онтологический критерий означает признание человека действующим субъектом, личность которого принципиально не исчерпывается цифровым профилем. Его нельзя свести к измерению «количества субъектности»: косвенными признаками институционального признания человека выступают возможность ознакомиться со значимыми сведениями о себе, исправить ошибочную запись, получить понятное объяснение решения и представить индивидуальные обстоятельства при его пересмотре. Гносеологический критерий характеризует способность отличать факт от интерпретации и синтетического контента, проверять источники и понимать ограничения алгоритмических рекомендаций; предполагаемые индикаторы – результаты ситуационных заданий, а не только самооценка грамотности. Аксиологический критерий выражает нормативную согласованность цифровой практики с достоинством, свободой, приватностью и ответственностью; он предполагает оценку соразмерности вмешательства и ясности правил обработки данных. Праксеологический (социально-практический) критерий характеризует действительную осуществимость защиты интересов: наличие понятной процедуры обращения, достижимость уполномоченного человека, разумность сроков ответа и результативность пересмотра. Таким образом, онтологический критерий фиксирует принцип несводимости человека к профилю и условия признания его субъектом, а праксеологический – то, насколько эти условия реализуются в конкретных действиях и институтах.

Предложенная система критериев предполагает проверку на разных уровнях. Онтологический и аксиологический критерии имеют прежде всего нормативно-философское содержание: эмпирические данные не способны окончательно доказать или опровергнуть ценность человеческого достоинства и субъектности, но позволяют установить, насколько цифровые практики соответствуют этим требованиям. Гносеологический и праксеологический критерии допускают более непосредственную проверку через наблюдаемые действия, результаты ситуационных заданий и документируемые процедуры. В этом состоит методологическое уточнение авторского подхода: не следует отождествлять провозглашённое право с возможностью его использования, а осведомлённость о цифровых угрозах – с умением распознать их в конкретной ситуации. Для косвенной проверки онтологического критерия целесообразно провести сравнительный анализ публично доступных правил автоматизированного принятия решений и практик обращения пользователей. Единицами наблюдения могут быть случаи, в которых алгоритмическая

оценка влияет на доступ к услуге или существенную возможность. Предлагаемые показатели: информирование о факте автоматизации; наличие процедуры ознакомления и исправления данных; возможность сообщить индивидуальные обстоятельства; доступность человеческого рассмотрения. Фиксация этих признаков позволяет оценить институциональные условия признания субъектности, но не измеряет онтологический статус человека как таковой.

Праксеологический критерий предлагается проверять по фактическому ходу обжалования: доступности инструкции и канала обращения, времени до содержательного ответа, доле обращений, получивших мотивированное рассмотрение, и доле решений, изменённых после проверки человеком. Знаменатель каждого показателя должен быть явно указан (например, число поданных обращений, а не всех решений). Если доступны только правила сервиса, допустим вывод лишь о формальных гарантиях, но не об эффективности их реализации. Важно также учитывать отказы пользователей от обжалования вследствие сложности процедуры. Гносеологический критерий может изучаться с помощью одинаковых ситуационных заданий на проверку источника, распознавание синтетического контента, настройку приватности и оценку достоверности алгоритмического ответа. Результаты целесообразно сопоставлять между группами пользователей с разным возрастом, образованием и опытом взаимодействия с цифровыми сервисами, не отождествляя эти характеристики с уровнем компетентности заранее. Аксиологический критерий требует качественного анализа того, как участники обосновывают допустимость наблюдения, приоритет приватности и распределение ответственности за автоматизированную ошибку.

В качестве возможного дизайна следующего этапа предложена последовательность: анализ документов и обезличенных обращений, затем ситуационные задания и полуструктурированные интервью, после чего – сопоставление формальных гарантий с описанным опытом пользователей. Перед проведением исследования необходимы добровольное информированное согласие, минимизация персональных данных и проверка применимого правового режима: процедуры оспаривания различаются в зависимости от страны, отрасли и вида решения. Приведённый план не является описанием уже собранного массива или завершённого пилотного исследования.

Обсуждение результатов исследования

Техническая защищённость не равнозначна защищённости человеческой автономии. Конфиденциальность исключает неправомерное раскрытие данных, но не манипулятивное получение согласия на их обработку; целостность записи не гарантирует обоснованности решения, которое на ней построено; доступность сервиса не означает доступности обжалования. Предложенное трёхуровневое различение технической, процедурной и экзистенциальной безопасности позволяет установить точку возникновения риска: в обработке данных, в правилах принятия решения или в ограничении осмысленного самоопределения. При этом нарушения одного уровня не всегда свидетельствуют о нарушениях остальных, что делает необходимой раздельную оценку. Рассмотрим условную ситуацию: автоматизированная система отказывает гражданину в доступе к значимой услуге, опираясь на ошибочный цифровой профиль. Даже если база защищена от утечки, нарушение может возникнуть на двух иных уровнях. Онтологический риск проявится в том, что профиль

фактически признаётся исчерпывающим описанием человека; праксеологический – в отсутствии доступного канала исправления сведений и пересмотра отказа. Если же сервис позволяет объяснить решение, исправить данные и обратиться к ответственному специалисту, один и тот же алгоритм создаёт иные условия для реализации субъектности. Пример является аналитической конструкцией, а не описанием конкретного случая.

Б. Ваассен обосновывает значимость непрозрачности алгоритмов именно в ситуациях, когда решения влияют на существенные жизненные возможности человека [9]. К. Кярки показывает, что возможности управлять вниманием и сопротивляться цифровому отвлечению распределены между пользователями неравномерно [7]. Из сопоставления этих выводов следует проверяемое предположение: одинаковый интерфейс может создавать неодинаковый риск для разных социальных групп, а тяжесть последствий алгоритмической ошибки зависит не только от технических характеристик модели, но и от доступности разъяснений и человеческого пересмотра. В русле дискурсивной этики Ю. Хабермаса легитимность цифровых правил предполагает возможность их публичного обоснования перед теми, кого они затрагивают [3]. Для оценки платформ и автоматизированных сервисов этот тезис переводится в три вопроса: известны ли пользователю основания значимого решения; может ли он представить возражения; предусмотрен ли субъект, ответственный за мотивированный ответ? Сочетание отрицательных ответов позволяет говорить о риске институционального исключения человека из процедуры, даже если обработка данных технически корректна. Вместе с тем прозрачность алгоритма не является достаточным условием справедливости: объяснение может быть формально доступным, но непонятным человеку без специальной подготовки. Поэтому человекоцентричность предполагает не только публикацию правил, но и проверку их практической понятности и применимости.

Заключение

Проведённый теоретико-методологический анализ позволяет рассматривать информационную безопасность личности как сочетание технической защищённости, процедурных гарантий и сохранения условий самостоятельного самоопределения. Авторское уточнение состоит в разграничении наличия формального выбора и возможности содержательно влиять на затрагивающие человека цифровые решения. Обоснована типология четырёх экзистенциальных рисков и предложена четырёхкритериальная модель оценки: онтологический критерий фиксирует принцип несводимости человека к цифровому профилю, гносеологический – способность критически работать с информацией, аксиологический – соответствие практик фундаментальным ценностям, праксеологический – фактическую доступность способов защиты и пересмотра. Указанные измерения связаны между собой, но не совпадают: признание субъектного статуса не тождественно эффективности процедуры его защиты. Предложены направления эмпирической апробации модели: изучение регламентов и результатов обжалования автоматизированных решений, анализ ситуационных заданий на цифровую и медиаграмотность и сопоставление опыта разных групп пользователей. Эти исследования в рамках статьи не проводились, поэтому заявленные критерии и индикаторы рассматриваются как теоретически обоснованная программа проверки, а не как эмпирически подтверждённая шкала. Дальнейшая работа

должна оценить пригодность индикаторов, контекстные ограничения их применения и возможные расхождения между формальными гарантиями и реальным опытом пользователя.

Список литературы

1. Бурнашев Р. Информационная безопасность личности как предмет социальной философии // Ijtimoiy-gumanitar sohada ilmiy-innovatsion tadqiqotlar. – 2026. – Т. 3. – С. 535–543.
2. Фуко М. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. С. 217. – М.: Ad Marginem, 1999.
3. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем. С.В. Шачин, под ред. Д.В. Скляднева. С. 149. – СПб.: Наука, 2001.
4. Coeckelbergh M. Al ethics // Cambridge, MA: The MIT Press. Coeckelbergh, M. (2022),“Democracy, epistemic agency, and AI: Political epistemology in times of artificial intelligence,” Al Ethics. – 2020. – Т. 3. – P. 1–10.
5. Floridi L. Onlife Initiative. The onlife manifesto // The onlife manifesto: Being human in a hyperconnected era. – Cham: Springer International Publishing, 2014. – P. 7–13.
6. Хайдеггер М. Вопрос о технике / Пер. с нем. В.В. Бибихина // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – С. 221–237.
7. Kärki K. Digital Distraction, Attention Regulation, and Inequality: K. Kärki // Philosophy & Technology. – 2024. – Т. 37. – P. 1–21.
8. Сартр Ж.П. Экзистенциализм – это гуманизм: [сборник] / Жан Поль Сартр; [перевод с французского Т. Чугуновой, Н. Полторацкой]. – Москва: Издательство АСТ, 2025. – 160 с.
9. Vaassen B. AI, opacity, and personal autonomy // Philosophy & Technology. – 2022. – Т. 35. – P. 1–20.
10. Vallor S. The AI mirror: How to reclaim our humanity in an age of machine thinking. – Oxford University Press. – 2024. – 257 P.
11. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма: битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / Пер. с англ. А.Ф. Васильева; под ред. Я. Охонько и А. Смирнова. – Москва: Издательство Института Гайдара, 2024. – 784 с.

References

1. Burnashev R. [Information security of the individual as a subject of social philosophy] // Ijtimoiy-gumanitar sohada ilmiy-innovatsion tadqiqotlar. – 2026. – Vol. 3. (In Russ.).
2. Fuko M. [Foucault M. Discipline and Punish. The Birth of the Prison] / Per. s fr. V. Naumova pod red. I. Borisovoj. – M.: Ad Marginem, 1999. – C. 217 (In Russ.).
3. Khabermas Yu. [Moral Consciousness and Communicative Action] / Per. s nem. S.V. Shachin, pod red. D.V. Sklyadneva. – SPb.: Nauka, 2001. – C. 149 (In Russ.).

4. Coeckelbergh M. Al ethics // Cambridge, MA: The MIT Press. Coeckelbergh, M. (2022),“Democracy, epistemic agency, and AI: Political epistemology in times of artificial intelligence,” Al Ethics. – 2020. – Vol. 3. – P. 1–10.
5. Floridi L. Onlife Initiative. The onlife manifesto // The onlife manifesto: Being human in a hyperconnected era. – Cham: Springer International Publishing, 2014. – P. 7–13.
6. Heidegger M. Vopros o tekhnike [The Question Concerning Technology]. In: Heidegger M. Vremya i bytie: stat’i i vystupleniya [Time and Being: Articles and Speeches]. Moscow: Respublika, 1993, P. 221–237. (In Russ.).
7. Kärki K. Digital Distraction, Attention Regulation, and Inequality: K. Kärki // Philosophy & Technology. – 2024. – Vol. 37. – P. 1–21.
8. Sartre J.-P. Ekzistentsializm – eto gumanizm [Existentialism Is a Humanism]. Moscow: AST,. – 2025. – 160 P. (In Russ.).
9. Vaassen B. AI, opacity, and personal autonomy // Philosophy & Technology. – 2022. – Vol. 35. – P. 1–20.
10. Vallor S. The AI mirror: How to reclaim our humanity in an age of machine thinking. – Oxford University Press. – 2024. – 257 P.
11. Zuboff Sh. Epokha nadzornogo kapitalizma: bitva za chelovecheskoe budushchee na novykh rubezhakh vlasti [The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power]. Moscow: Izdatel’stvo Instituta Gaidara,. – 2024. – 784 P. (In Russ.).

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Статья поступила в редакцию: 14.10.2026
Статья принята к публикации: 20.10.2026
Статья опубликована: 15.11.2026

УДК 111.6

Когнитивный уровень выбора в созидательной деятельности антропомерных систем

Петров Михаил Алексеевич
самостоятельный разработчик–исследователь
Российская Федерация, г. Москва
E-mail: E–mail: brodich@mail.ru

Cognitive level of choice in creative activity of anthropometric systems

Petrov Mikhail
Independent developer-researcher
Russia, Moscow

Аннотация

Статья раскрывает содержание когнитивного выбора как самостоятельного функционально замкнутого уровня состояний деятельности антропомерных систем (АС) в рамках философской теории созидания и синтетико-аналитической парадигмы. Показано, что трёхфакторная модель социального отбора В.П. Бранского (тезаурус – детектор – селектор), будучи наиболее развитым подходом к проблеме выбора, фиксирует структурные элементы отбора, но не схватывает его процессуальности: понятие «фактор» статично, а сама модель не содержит познавательной фазы и механизма отчуждения, переводящего результат выбора в объективное социальное состояние. Восполнение этих пробелов осуществлено путём подтверждения гипотезы о самоподобии контента процесса выбора (схватывание – синтетическое мышление – аналитическое мышление – отчуждение) универсальному тетрадному паттерну продуктивного функционирования АС. Обосновано, что функции детектирования и селектирования выполняет актор – сознательно действующий человек, – поскольку выбор всегда совершается на идеальном основании. Выявлены одноуровневый и многоуровневый режимы выбора: при неопределённости тезауруса, критериев отбора, познавательной проработки альтернатив или механизма отчуждения соответствующий компонент тетрадного паттерна становится объектом вложенного цикла, что демонстрирует

Библиографическое описание: Петров М.А. Когнитивный уровень выбора в созидательной деятельности антропомерных систем // Universum: общественные науки : электрон. научн. журн. 2026. 11(138). URL: https://7universum.com/ru/social/archive/item/23596

фрактальное свойство паттерна. Показано, что выбор замыкает деятельностный цикл на каждом уровне иерархии, переводя возможность в действительность, а субъективное решение – в объективный социальный факт через отчуждение.

Abstract

The article reveals the content of cognitive choice as a self-contained functional level of activity states of anthropometric systems (AS) within the framework of the philosophical theory of creation and the synthetic-analytical paradigm. It is shown that the three-factor model of social selection proposed by V.P. Bransky (thesaurus – detector – selector), being the most advanced approach to the problem of choice, captures the structural elements of selection but fails to grasp its processuality: the concept of «factor» is static, while the model itself does not account for the cognitive phase or the alienation mechanism that translates the outcome of choice into an objective social state. These gaps are addressed by confirming the hypothesis of self-similarity between the content of the choice process (grasping – synthetic thinking – analytical thinking – alienation) and the universal tetradic pattern of productive AS functioning. It is argued that the functions of detection and selection are performed by the actor – a consciously acting person – since choice is always made on an ideal basis. Single-level and multi-level regimes of choice are identified: when the thesaurus, selection criteria, cognitive elaboration of alternatives, or the alienation mechanism are undetermined, the corresponding component of the tetradic pattern becomes the object of a nested cycle, thereby demonstrating the fractal property of the pattern. It is shown that choice closes the activity cycle at each level of the hierarchy, translating possibility into actuality and subjective decision into an objective social fact through alienation.

Ключевые слова: выбор, когнитивный уровень, деятельность, состояние деятельности, созидание, теория созидания, синтетико-аналитическая парадигма.

Keywords: choice, cognitive level, activity, activity state, creation, theory of creation, synthetic-analytical paradigm.

Зрелость начинается там, где человек учится
выбирать не после исчезновения всех сомнений,
а несмотря на их присутствие.
Сёрен Кьеркегор

Введение

Интенсивно разрабатываемая в настоящее время философская теория созидания выдвигает в качестве ключевого понятия состояния деятельности антропомерных систем. В опубликованных работах представлен перечень и краткое описание указанных состояний, использованных впоследствии в качестве исходных данных для получения основного результата всей теории – двухуровневой фрактальной модели функционирования АС [6, 7]. Было показано, что каждый функционально замкнутый круг деятельности актора может быть представлен тетрадным паттерном: захватом требуемых идей, ресурсов – производственной манипуляцией ресурсов – познавательной манипуляцией (апробированием) – отчуждением результата.

Однако при выявлении этой процессуальной закономерности акцент на деятельностном аспекте оставлял за скобками важнейший пласт функционирования АС – когнитивный выбор цели, ресурсов, траектории разработки или способа отчуждения на каждом этапе её созидательной или познавательной деятельности. При этом когнитивный уровень деятельности, в реальности всегда глубоко переплетённый с деятельностным и выделяемый в самостоятельный лишь в исследовательских целях, не сводится к чисто познавательному процессу: он носит созидательно-познавательный характер, поскольку в созидании также задействуются все когнитивные функции актора (память, мышление, внимание, восприятие и воображение).

Проблема выбора является фундаментально важной, поскольку именно она определяет направленность и характер активности субъекта. Осознанное принятие решений позволяет актору эффективно реагировать на изменения внешней среды, оптимизировать ресурсы и достигать поставленных целей с наибольшей продуктивностью. Более того, процесс выбора отражает степень свободы и ответственности актора, формируя основу для формирования индивидуального опыта и дальнейшего саморазвития. Игнорирование этих аспектов приводит к неполной картине становления и функционирования АС, снижая прогностические возможности теоретических моделей и ограничивая их практическое применение.

Целью настоящей работы является полное раскрытие содержания когнитивного выбора как самостоятельного функционально замкнутого уровня состояний деятельности антропомерных систем.

Задачи исследования

– артикуляция незавершённости и статичности трёхфакторного выбора;

– дальнейшее развитие экспликации процессов выбора на когнитивном уровне функционирования антропомерных систем;

– подтверждение гипотезы о самоподобии процесса выбора вскрытому ранее универсальному паттерну продуктивного функционирования АС.

Материалы и методы

Проблема выбора – одна из центральных тем философии, в которой пересекаются онтология, этика, эпистемология и философия сознания. Её можно разложить на несколько ключевых осей [3, 8].

Свобода воли и детерминизм. Главный узел вопроса: действительно ли человек выбирает или лишь иллюзорно ощущает выбор? Детерминизм утверждает, что каждое решение однозначно предопределено предшествующими причинами. Либертарианство, напротив, настаивает на реальной возможности поступить иначе. Компатибилизм пытается примирить: свобода совместима с причинностью, если выбор проистекает из внутреннего характера агента, а не из внешнего принуждения.

Рациональность и основания выбора. Насколько выбор должен опираться на разум? Декартова традиция ставит рациональное осмысление в основу. Юм же считал, что разум – «раб аффектов» и лишь обслуживает желания. Современная дискуссия добавляет сюда когнитивные искажения и ограниченность информации: агент редко имеет полное представление о последствиях.

Моральная ответственность. Если выбор детерминирован, можно ли наказывать или хвалить за него? Кант связывал моральную ценность с мотивом долга; утилитаризм – с последствиями; этика добродетели – с характером, который выбор формирует и проявляет.

Экзистенциальное измерение. Сёрен Кьеркегор, Сартр, Камю рассматривали выбор не как техническое действие, а как способ бытия: человек есть то, что он выбирает. Отказ от выбора – тоже выбор. Свобода при этом не дар, а бремя, порождающее тревогу. Экзистенциализм здесь скорее фон, чем рабочий инструмент. Он хорошо описывает переживание выбора, но не даёт механизма, который можно было бы приложить к социальной практике.

Политика и социальность. Выбор индивида разворачивается в контексте структур – институтов, норм, классовых и культурных ограничений. Марксистская и феминистская критика указывают: говорить о свободе выбора бессмысленно, не учитывая неравный доступ к реальным альтернативам.

Алгоритмическая эпоха. Сегодня проблема выбора усложняется: решения всё чаще принимаются или подсказываются алгоритмами. Это ставит новый вопрос – о распределении ответственности между человеком и машиной и о границах автономии в условиях архитектуры выбора (nudging – метод ненасильственного влияния на выбор человека с помощью подсказок и создания условий).

В центре всего ландшафта – один вопрос: при каких условиях мы можем считать выбор подлинным, а отвечающего за него – моральным агентом. Ни одна философская школа не дала ответа, который устроил бы всех, но именно это напряжение и делает проблему живой. Тем не менее как в науке, так и в повседневной жизни ежедневно людям приходится принимать решения на основе выбора из альтернативных идей, объектов или процессов продолжения деятельности. Именно здесь важны более простые и «приземлённые» метафизические подходы с целью выработки понятных механизмов, позволяющих осуществлять логически обоснованный выбор. Более того, сделав выбор, мы, как правило, следуем за ним – выбор обязательно завершается действием [8].

Наиболее значительные результаты в данном направлении получены санкт–петербургской философской школой В.П. Бранского, где не просто абстрактно рассуждают о выборе, а строят синергетическую философию истории, в которой проблема выбора получает конкретный трёхфакторный (тезаурус – детектор – селектор) механизм из области самоорганизации сложных систем [2, 9]. Тезаурус, по мнению её представителей, – банк альтернативных и/или взаимодополняющих возможностей, которые система находит в среде или в путях собственного развития. Детектор – отобранная из тезауруса возможная структура, которая «обозначает себя» в качестве «субъекта», чтобы заняться реализацией своего проекта, создавая для этого соответствующие условия. Селектор есть функция детектора, который функционирует в виде сигнала, гештальта, руководящего принципа, образца для достижения устойчивости системы [2].

Вторым пластом материалов для раскрытия процессов выбора служат нарративы теории созидания. Они позволяют описать не только структуру выбора, но и его деятельностную динамику – то, как выбор развёртывается в реальном функционировании акторов [6, 7].

Естественно, что выбор в повседневной жизни и в научной деятельности различается по основаниям, осознанности, количеству критериев. В науке выбор опирается на формализованный, институционализированный селектор – это не личное предпочтение, а система эпистемических норм.

Эмпирическая адекватность. Выбор гипотезы, метода или модели обосновывается соответствием данным наблюдения и эксперимента. Это материальное основание: реальность «голосует» против неподходящих вариантов.

Внутренняя непротиворечивость и логическая когерентность. Теория должна быть согласованной внутри себя; противоречия – основание для отказа.

Принцип простоты (бритва Оккама). При равной объяснительной силе предпочтение отдаётся более экономному объяснению.

Воспроизводимость и фальсифицируемость. Критерий отбора не только содержания, но и самих фактов: результат должен быть проверяемым и потенциально опровержимым.

Парадигмальные установки. В официальной науке (по Т. Куну) селектор задаётся господствующей парадигмой: она определяет, какие вопросы осмысленны, какие методы допустимы, какие результаты надёжны.

Процедуры сообщества. Рецензирование, репликация, цитирование, стандарты публикаций – это социальные механизмы, которые делают селектор общим, а не индивидуальным.

В научной практике выбор может быть многоуровневым. Например, при двухуровневом выборе сначала альтернативы нужно исследовать (провести эксперименты, моделирование, анализ данных), чтобы сделать их сравнимыми; только потом применяется селектор.

В повседневной жизни часто неосознаваемый выбор осуществляется в условиях неразличимости разных типов оснований. Самый частый случай: выбор делается «на автомате» (что надеть, какой маршрут выбрать). Это одноуровневый выбор на основе привычки или традиции: тезаурус «прозрачен», критерий интуитивен и не формулируется.

Практическая полезность и удобство. Основание – экономия усилий, комфорт, скорость. Здесь селектор утилитарен: «удобно/неудобно», «быстро/долго».

Эмоциональные реакции. Выбор основывается на дорефлексивных критериях: «нравится/не нравится», «притягивает/отталкивает», которые часто действуют быстрее и сильнее рациональных аргументов.

Социальные нормы и ожидания. Выбор одежды, манеры речи, формата общения нередко определяется не личным идеалом, а тем, «как принято» в группе.

Экономические и ресурсные ограничения. Они не столько задают критерий, сколько сужают тезаурус: из чего выбирать. Решение зависит от бюджета, времени, доступности альтернатив.

Ценностные предпочтения. Это идеальное основание в чистом виде, но в быту оно редко действует в одиночку – обычно переплетается с привычкой, эмоциями и нормами. Например, «я выбираю экологичные товары».

В повседневной жизни выбор чаще одноуровневый: признаки альтернатив очевидны (дорого/дёшево, близко/далеко, знакомо/незнакомо), а познавательная проработка минимальна или отнесена на потом.

Признавая равнозначными созидание и познание в деятельности АС, включая когнитивные функции, все результаты получены и изложены в контексте синтетико–аналитической парадигмы [5]. При разработке и исследовании использовались методы:

– символьной (знаковой) интерпретации объектов в сознании актора;

– когнитивных синтеза и анализа идеальных образований;

– системного, в том числе процессуального, представления деятельности АС;

– фрактальной экспликации процессов выбора в деятельности АС.

Результаты и обсуждение

В контексте нашей разработки когнитивной деятельности АС все функции каждой выделенной фазы выполняет актор – сознательно действующий человек, поскольку выбор совершается в данном контексте на идеальном основании – через смыслы, ценности, цели. Всё, что внешнее по отношению к актору (среда, институты, ресурсы), дано ему также как идеальное (знаковое) содержание [1] и потому входит в выбор через интерпретацию, а не как вещественные объекты, непосредственное сравнение которых остаётся за рамками данного исследования. В рамках синтетико-аналитической парадигмы науки выбор перестаёт быть абстрактным актом воли или мгновенным синергетическим отбором: он предстаёт как деятельностный цикл АС, в котором когнитивные акты также имеют как созидательный, так и познавательный характер.

Ключевая идея В.П. Бранского – развести понятия выбора и отбора, которые в экзистенциализме (Сартр, Хайдеггер) слиты воедино. Выбор – это феноменологический уровень: непосредственное действие субъекта, столкнувшегося с развилкой возможностей (точкой бифуркации), это весь процесс целиком. Выбор отвечает за место и время – за то, чтобы «уколоть среду в нужном месте и в нужный момент». Отбор – это сущностный механизм, который переводит одну из возможностей в состояние захваченной для дальнейших действий.

Трёхфакторная схема фиксирует структурные элементы отбора, но не схватывает его процессуальности, весьма актуальной в современных исследованиях [4, 10]. Понятие «фактор» статично: факторы даны как одновременно присутствующие и «сливаются в нечто единое», что маскирует временную развёртку выбора. Понятия тетрадной структуры деятельности теории созидания, такие как «фаза действия» или «этап выбора», напротив, встроены в динамику процессуальной философии: они предполагают последовательность переходов из одних состояний в качественно отличающиеся другие. В рамках этого подхода выбор предстаёт не как комбинация факторов, а как темпоральный процесс с фазовой структурой, где актор проходит через ряд качественно определённых когнитивных состояний перед каждым своим действием – от различения альтернатив к селекции и далее к реализации.

Независимо от содержания мыслительной задачи, когнитивные функции всегда задействуются в комплексе, образуя единую совокупность. Тем не менее в самом процессе выбора удаётся выделить промежуточные мини-цели и соответствующие им

мини-результаты – именно эти элементы позволяют разграничить процесс на отдельные, качественно отличающиеся друг от друга фазы. Такая дифференциация служит подтверждением универсальности ранее предложенного на деятельностном уровне паттерна: в мышлении актора обнаруживается аналогичная четырёхфазная структура, пусть и с претерпевшей определённые изменения терминологией.

1. Схватывание – первая фаза процесса отбора, где востребованы ведущие функции – восприятие (апперцепция) и внимание. На этой фазе восприятие актора вычленяет актуализированные потребностями альтернативы из среды или из собственных представлений, а внимание удерживает их в фокусе. Память поставляет первичные ментальные образы для распознавания, а воображение может достраивать невидимые свойства альтернатив.

2. Синтетическое или созидательное мышление. Актор применяет селекторные способности на основе сравнения по имеющимся в памяти критериям образов наличных альтернатив с ментальным образом, соответствующим актуальной потребности и загружаемым из памяти. Синтез объединяет образы и разрозненные признаки возможностей в целостные гештальты, формируя рабочую модель для принятия решения.

3. Аналитическое мышление, где задействованы анализ и воображение актора в когнитивной процессуальности. Актор не просто верифицирует результат, а активно моделирует последствия. Воображение запускает симуляцию: «что будет, если?», мышление выстраивает причинно-следственные цепочки, а анализ дробит выбранную альтернативу на составляющие, проверяя её на скрытые дефекты и противоречия. Именно здесь актор мысленно «проживает» выбор до его материального воплощения. Если анализ выявляет дефект альтернативы или ущерб от её извлечения из среды, запускается вложенный цикл – фрактальный возврат к пересборке тезауруса или переопределению критериев.

4. Отчуждение или эманация. Результат выбора выносится мышлением из внутреннего субъективного хранения в памяти актора во внешнюю, объективную социальную реальность. Мышление упаковывает, трансформирует решение в знаковую форму (текст, речь, модель) или в жест, план действия, исполнение которых завершает функциональный цикл. Память фиксирует сам паттерн (или его компоненты) удовлетворенного выбора, превращая его в новый элемент тезауруса для будущих циклов.

В зависимости от степени проработанности каждого этапа из всего тетрадного цикла выбор различается на одноуровневый и многоуровневый. Одноуровневый выбор реализуется, когда актор обнаруживает в окружающей среде альтернативы, признаки которых уже достаточно выражены и очевидны. Тезаурус в этом случае оказывается «прозрачным»: варианты сравнимы, критерии селекции применимы напрямую, что позволяет сразу осуществить отбор по идеальному образцу. Методы отчуждения общеизвестны и пригодны для работы. В данном случае выбор укладывается в сжатый замкнутый когнитивный цикл, полностью подготовленный для непосредственного реального действия. При этом и аналитическое мышление не формирует новых оснований выбора, а лишь подтверждает его адекватность.

Проиллюстрируем работу тетрадного паттерна на простом бытовом примере, где возникает необходимость перехода к многоуровневому выбору. Актор выбирает яблоко из корзины, чтобы подарить его. Тезаурус задан – корзина перед глазами. Критерий также

понятен – яблоко должно быть достойным подарка: красивым, без видимых дефектов. Кажется, что выбор одноуровневый. На первой фазе при восприятии актор фиксирует вниманием корзину с яблоками целиком: поле альтернатив дано, но ещё не различено. При синтетическом мышлении актор мысленно намечает красивое крупное яблоко – якобы идеальное. Здесь работает селектор: актор сопоставляет воспринимаемое с идеальным образом «подарочного яблока» и мысленно намечает то, что ему соответствует.

Но вот сразу же аналитическое мышление актора «говорит» о недостаточности применимых критериев, о возможных дефектах с невидимой стороны, что переводит процесс на деятельностный уровень с целью провести познавательную манипуляцию. Актор захватывает яблоко в руку, оглядывает со всех сторон, ощупывает, принюхивается, что уже является познавательной манипуляцией. Далее проводится повторный отбор уже выбранной альтернативы по иным критериям: нет ли гнили с обратной стороны? не помяты ли бока? Если познавательная манипуляция совместно с аналитическим мышлением подтверждают, что яблоко соответствует идеалу, – выбор завершается отчуждением. Если же обнаруживается дефект на аналитической фазе, то актор не просто фиксирует несоответствие, а может запустить вложенный деятельностный цикл, где возвращается к повторному захвату другого яблока либо уточняет сам критерий отбора. В этом случае выбор становится многоуровневым.

В фазе отчуждения результат выбора выводится мышлением из внутреннего плана актора, реализуется в действии и становится объективным фактом – подарком, существующим теперь независимо от него.

Этот пример при внешней простоте демонстрирует все четыре фазы тетрадного паттерна, а также точку ветвления между одно- и многоуровневым выбором: актор на основе аналитического мышления подтверждает адекватность выбранной альтернативы и осуществляет переход к завершающей фазе либо к повторному выбору альтернативы.

Тетрадный паттерн деятельности актора при многоуровневом выборе – это не однократно проходимый цикл, а фрактально повторяющаяся структура. На каждом уровне развёртки деятельности актор может столкнуться с ситуацией, когда очередной компонент паттерна не задан заранее и сам становится объектом выбора. Возникает вложенный цикл: выбор внутри выбора, и так вплоть до уровня, где паттерн замыкается без дополнительной развёртки. Это и есть многоуровневый выбор.

В тех случаях, когда тезаурус (множество альтернатив) не определён – актор не располагает различённым полем возможностей. Альтернативы существуют, но их свойства скрыты, неоднозначны или несопоставимы. Тогда первый акт выбора состоит не в схватывании готового набора, а в определении самого набора: какие альтернативы вообще существуют, какие стоит рассматривать, какие являются мнимыми. Это выбор, где актор конструирует тезаурус через смыслообразование, а не обнаруживает его как готовый объект. Здесь тетрадный паттерн сворачивается внутрь себя: чтобы пройти фазу детекции на верхнем уровне, актор должен пройти полный подцикл – определить, что для него релевантно (суб-тезаурус), выделить критерии релевантности (суб-селекция), оценить и реализовать построение тезауруса (суб-реализация-отчуждение). И только затем верхний уровень получает готовое поле альтернатив. Например, мозговой штурм при целеполагании начинается со свободного изложения каждым участником любой, возможно абсурдной, суб-

цели, которые сначала отберутся по одному критерию (например, реализуемости) и будут составлять тезаурус для выбора основной цели по другому критерию на следующем уровне. В итоге, в данном примере двухуровневого выбора актор не просто выбирает из готовых альтернатив, он предварительно делает эти альтернативы различимыми и сравнимыми, тем самым конструируя пространство выбора.

Даже при заданном тезаурусе селекция невозможна без критерия отбора. Но критерии не даны актору извне – они сами часто являются предметом выбора, и этот выбор совершается на идеальном основании. Актор выбирает, по какому принципу отбирать: по эффективности, по эстетической ценности, по моральному долгу, по прагматической полезности. Каждый из этих принципов – идеальное содержание, и выбор между ними – тоже выбор, требующий своего тетрадного цикла. Получается рекурсия: селектор для верхнего уровня выбирается через детекцию и селекцию на нижнем. Актор спрашивает себя: «По какому критерию я буду выбирать?» – и этот вопрос запускает новый виток паттерна. Эта рекурсия не бесконечна: она останавливается там, где критерий задаётся непосредственно – через ценностную очевидность, опыт или решение, не требующее дальнейшего обоснования.

Аналитическая фаза внутри цикла выбора – это не просто сбор информации, а активное модельное испытание уже выбранной альтернативы: актор мысленно «извлекает» одну из пула возможностей и анализирует, что за ней последует. И этот процесс может содержать полный познавательный цикл, отвечающий на вопросы: что нарушит в среде и в системе реализация выбранной возможности, какие выгоды потеряет АС, перекрывая другие возможности? Аналитическая фаза, таким образом, не просто обслуживает выбор – она сама является вложенным процессом выбора, где актор выбирает, какие следствия учитывать, а какие отбрасывать, а, возможно, и заменить альтернативу.

После того как основная альтернатива выбрана, результат должен быть отчуждён – вынесен из внутреннего, идеального плана актора во внешнее, объективное существование. Но механизм отчуждения не предопределён: актор снова должен выбрать, в какой форме результат будет существовать вовне, ибо каждая из них по-разному структурирует содержание. Например, устная речь – отчуждение во времени, в коммуникативном акте; результат существует, пока звучит слово и пока живо его восприятие в собеседнике. Напротив, письмо – отчуждение в тексте, в знаковой форме, фиксирующей результат независимо от присутствия актора; но текстовые правила задают собственную логику развёртки, ограничивая то, что может быть выражено.

Рисунок – визуальное отчуждение, схватывающее целостный гештальт, но теряющее дискурсивную нюансировку. А модель – структурное отчуждение, сохраняющее отношения между элементами, но требующее формализации, которая отбрасывает часть содержания.

Выбор механизма отчуждения – это выбор на идеальном основании, потому что актор соизмеряет формы не по их «материальным свойствам», а по тому, какая форма адекватна смыслу того, что отчуждается. И этот выбор снова разворачивается по тетрадному паттерну: детекция доступных форм, селекция по критерию адекватности, реализация через конкретный акт (произнесение, запись, изображение, моделирование). Важно отметить, что какой бы не была форма отчуждения, она, как правило, требует действенного воплощения, будь то жест, действие или указанные выше формы коммуникации.

Таким образом, тетрадный паттерн когнитивной деятельности актора проявляет фрактальное свойство, заявленное в теории созидания: при смене масштаба (переходе на вложенный уровень) может повторяться та же потенциально четырёхкомпонентная схема, но *не обязательно таковая*, ибо фракталы, как правило, имеют дробную размерность по отношению к выходному множеству. Многоуровневость выбора возникает именно тогда, когда компоненты процесса – тезаурус, критерии, механизм отчуждения – не даны, а должны быть построены или выявлены актором. Каждый из них запускает собственный цикл детекции, селекции, оценки и реализации, и в каждом из них актор остаётся единственным исполнителем, потому что выбор всегда совершается на идеальном основании.

В процессуальной трактовке это означает: фазы мыслительного действия не просто следуют друг за другом, но могут сворачиваться внутрь себя, порождая вложенные циклы. Выбор – это не один проход по линейной последовательности фаз, а иерархическая структура вложенных процессов, глубина которой определяется тем, насколько компоненты каждого уровня определены и насколько требуют дополнительной проработки.

Независимо от того, является ли выбор одно- или многоуровневым, его социальная действительность возникает только на этапе отчуждения. Результат выбора (решение, норма, проект) выходит за пределы субъективного замысла (гештальта) и становится объективным фактом социальной практики – частью материальной самоорганизации. Без отчуждения отбор остаётся частным, внутрисубъектным актом; с отчуждением он становится социальным механизмом, влияющим на дальнейшую эволюцию системы.

В случае, когда выбор не завершается эманацией результата во внешнюю среду, а выполняет функцию схватывания – первичного смыслового улавливания предмета, – он сам становится первой фазой более объёмного когнитивного процесса. В таком ракурсе выбор предстаёт не как финальное решение, а как когнитивная установка, фиксирующая тематическое поле и задающая горизонт дальнейшего движения мысли. На примере написания сочинения это схватывание проявляется как определение темы – очерченный смысловой контур, в котором удерживаются возможные линии развития. За ним закономерно следует фаза синтетического мышления, в которой разрозненные образы и понятия выстраиваются в сюжетные ходы; далее наступает аналитическая стадия, уточняющая и проясняющая замыслы целого. Лишь на завершающем этапе результат отчуждается в виде завершённого текста. Такая этапность позволяет видеть в выборе не столько акт внешнего проявления, сколько внутренний когнитивный механизм, подготавливающий и обусловливающий последующее созидание.

Таким образом, различение одно- и многоуровневого выбора, выявление в них тетрадного паттерна позволяют преодолеть сведение выбора к единичному волевому акту или к мгновенному синергетическому отбору. В синтетико-аналитической парадигме выбор предстаёт как развёрнутый мыслительный процесс актора, где синтетическое и аналитическое мышление взаимно дополняют друг друга, а отчуждение фиксирует переход субъективного решения в объективную социальную практику. Данный подход позволяет выявить внутреннюю структуру выбора и зафиксировать его фрактальность и процессуальность – что задаёт необходимую философско-методологическую рамку для

интерпретации результатов. При этом он предоставляет операциональный инструментарий, применимый в социальных практиках: от проектирования до управленческой и культурно-организационной деятельности

Заключение

Философская проблематика выбора имеет давнюю и глубокую традицию: от античных рассуждений о свободе и детерминации до современных дискуссий о компатибилизме, экзистенциальной ответственности и алгоритмической автономии. Однако при всей философской «задумчивости», сопровождающей эту тему, выбор остаётся не только предметом теоретических споров, но и повседневной практической необходимостью. Ежедневно, в самых различных сферах деятельности – от управления и проектирования до искусства и бытовой рутины, – людям приходится принимать решения, последствия которых выходят за пределы отдельного акта и встраиваются в ткань социальной реальности. Именно поэтому метафизические аспекты проработки проблемы выбора имеют не абстрактно-академическое, а практическое значение: они в совокупности дают аппарат, позволяющий понять, как выбор осуществляется, чем обусловливается и каким образом становится социальным фактом.

Настоящая статья предпринимает шаг в этом направлении. Научная новизна работы связана с восполнением пробелов в наиболее развитом на сегодняшний день подходе к проблеме социального отбора – синергетической модели В.П. Бранского. Как было показано, перенос синергетического инструментария в социальный контекст сохраняет неразличение созидания и познания, характерное для естественных наук, что не соответствует социальной реальности. Стохастический выбор при самоорганизации и осознанный многокритериальный отбор актора – принципиально разные процессы, отражающие соответственно логику самоорганизации и логику субъектной деятельности. Кроме того, трёхфакторная схема В.П. Бранского (тезаурус – детектор – селектор) не содержит аналитической фазы и механизма отчуждения, которые переводили бы результат выбора актора в объективное социальное состояние.

Восполнение этих пробелов осуществлено путём подтверждения того, что формальная методология тетрадной структуры деятельности, разработанная в рамках теории созидания, адекватно применима к когнитивному уровню проблемы выбора. Тетрадный паттерн когнитивного уровня актора (схватывание – синтетическое мышление – аналитическое мышление – отчуждение) позволяет:

– развести самоорганизацию и организацию актором как процессы с разными онтологическими основаниями;

– встроить механизм усложнения выбора за счет смены иерархических уровней в случаях, когда компоненты (фазы) не тривиальны и требуют самоподобной локализации;

– замкнуть цикл выбора через отчуждение, переводящее идеальное основание селекции в материальную действительность социальной практики.

По существу, уровень выбора является завершающим в состояниях неопределённости (альтернативности) и предшествующим при раскрытии новых возможностей в любой деятельности человека. Именно выбор определяет, какая возможность переходит в действительность, какой проект реализуется, какая норма утверждается. Без уровня выбора

деятельность в спектре своих результатов остаётся незавершённой – открытым набором возможностей, не ставших социальными фактами. Введение тетрадной модели выбора, таким образом, не просто восполняет пробел в подходе В.П. Бранского, но и делает замкнутой всю концептуальную конструкцию деятельностного подхода актора: от захвата ресурсов до отчуждения результата, от замысла до социальной практики, от возможности до действительности.

Список литературы

1. Бодрийар Ж. Система вещей [Текст] / Ж. Бодрийар; пер. с фр. С. Зенкина. – М. – 1995. – 296 с.
2. Бусов С.В. «Суператтрактор В.П. Бранского» и проблема свободы: методологический анализ // Социально-гуманитарные знания. Философия, этика, религиоведение / Научно-теоретический журнал. – Москва: Кнорус, 2024. – № 4. – С. 86–91.
3. Выбор [Электронный ресурс]. // Электронная библиотека ИФ РАН / Новая философская энциклопедия. HASH01b7eff8f88db84170128fb7. URL: https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/ (дата обращения: 22.09.2026).
4. Косилова Е.В. Философия процесса. / Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: https://bigenc.ru/c/filosofiia-protsessa-326aad/ (дата обращения: 13.01.2026).
5. Петров М.А. Ключевые императивы теории созидания как основания становления новой синтетико-аналитической парадигмы науки [Электронный ресурс]. // Universum: общественные науки: электрон. научн. журн. – 2026. URL: https://7universum.com/ru/social/archive/item/23422 (дата обращения: 02.10.2026).
6. Петров М.А. Модель философского фазового пространства как универсальный инструмент практической философии [Электронный ресурс]. // Universum: общественные науки: электрон. научн. журн. – 2024. URL: https://7universum.com/ru/social/archive/item/17011 (дата обращения: 29.03.2024).
7. Петров М.А. Философия созидания (введение к теории): монография [Текст] / М.А. Петров. (Научная мысль). – М.: ИНФРА – М, 2019. – 195 с.
8. Д.А. Леонтьев, Е.Ю. Овчинникова, Е. Рассказова, А.Х. Фам. Психология выбора [Текст]. – М.: Смысл, 2015. – 464 с.
9. Синергетическая философия истории / коллективная монография под ред. В.П. Бранского и С.Д. Пожарского. – Рязань: «Копи-Принт», 2009. – 314 с.
10. Смирнов А.В., Солондаев В.К. Процессуальная логика [Текст] / А.В. Смирнов, В.К. Солондаев. – М.: ООО «Садра», 2019. – 160 с.

References

1. Baudrillard J. Sistema veshchey [The System of Objects]. Transl. from French by S. Zenkin. Moscow, 1995–296 P. (In Russ.).

2. Busov S.V. «Superattraktor V.P. Branskogo» i problema svobody: metodologicheskiy analiz [«Super-attractor of V.P. Bransky» and the problem of freedom: a methodological analysis] // Sotsial'no-gumanitarnye znaniya. Filosofiya, etika, religiovedenie / Nauchno-teoreticheskiy zhurnal. Moscow: Knorus. – 2024. – No. 4. – P. 86–91. (In Russ.).
3. Vybor [Choice] [Электронный ресурс]. // Elektronnaya biblioteka IF RAN / Novaya filosofskaya entsiklopediya. HASH01b7eff8f88db84170128fb7 (accessed date: 22.09.2026). – 2026. – URL: https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document. (In Russ.).
4. Kosilova E.V. Filosofiya protsessa [Philosophy of process] [Электронный ресурс]. // Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya. (accessed date: 13.01.2026). – 2026. – URL: https://bigenc.ru/c/filosofiia-protsessa-326aad. (In Russ.).
5. Petrov M.A. Klyuchevye imperativy teorii sozidaniya kak osnovaniya stanovleniya novoy sintetiko-analiticheskoy paradigmy nauki [Key imperatives of the theory of creation as the basis for the formation of a new synthetic-analytical paradigm of science] // Universum: obshchestvennye nauki: elektron. nauchn. zhurn. – 2026. – Vol. 10 [Электронный ресурс]. – URL: https://7universum.com/ru/social/archive/item/23422. (In Russ.).
6. Petrov M.A. Model' filosofskogo fazovogo prostranstva kak universal'nyy instrument prakticheskoy filosofii [The Model of Philosophical Phase Space as a Universal Tool of Practical Philosophy] // Universum: obshchestvennye nauki: elektron. nauchn. zhurn. – 2024. – Vol. 3 [Электронный ресурс]. – URL: https://7universum.com/ru/social/archive/item/17011. (In Russ.).
7. Petrov M.A. Filosofiya sozidaniya (vvedenie k teorii): monografiya [Philosophy of Creation (Introduction to the Theory): Monograph]. Moscow: INFRA-M, 2019. 195 P. (Nauchnaya mysl'). (In Russ.).
8. D.A. Leontiev, E.Yu. Psikhologiya vybora [Psychology of Choice]. – 2015. – 464 P. (In Russ.).
9. Sinergeticheskaya filosofiya istorii [Synergetic Philosophy of History]: collective monograph / ed. by V.P. Bransky and S.D. Pozharsky. Ryazan: «Kopi-Print», 2009–314 P. (In Russ.).
10. Smirnov A.V., Solondaev V.K. Processual'naja logika [Procedural Logic], OOO «Sadra» Publishers, Moscow, Russia. – 2019. – 160 P. (In Russ.).

СОЦИОЛОГИЯ

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ

Статья поступила в редакцию: 27.10.2026
Статья принята к публикации: 04.11.2026
Статья опубликована: 15.11.2026

УДК 316.353

Социальная активность пожилых кировчан

Бушкова-Шиклина Эльвира Васильевна
канд. социол. наук, доц., доц. кафедры культурологии, социологии и философии Вятский государственный университет
Российская Федерация, г. Киров
E-mail: bushkova-shiklina@vyatsu.ru

Волченкова Елена Валерьевна
канд. пед. наук, доц., доц. кафедры социальной работы и молодежной политики Вятский государственный университет
Российская Федерация, г. Киров
E-mail: usr11176@vyatsu.ru

Social activity of elderly Kirov citizens

Bushkova-Shiklina Elvira Vasilyevna
candidate of Social Sciences, Associate Professor of the Department of Cultural Studies Sociology and Philosophy
Vyatka State University
Russia, Kirov

Volchenkova Elena Valeryevna
candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Social Work and Youth Policy, Vyatka State University
Russia, Kirov

Аннотация

Глобальные демографические процессы характеризуются ростом доли пожилого населения в современных развитых странах, а возрастные изменения, связанные со снижением физических возможностей и перестройкой социального портрета пожилого человека, оказывают влияние на степень его вовлеченности в общественную жизнь.

Библиографическое описание: Бушкова-Шиклина Э.В., Волченкова Е.В. Социальная активность пожилых кировчан // Universum: общественные науки : электрон. научн. журн. 2026. 11(138). URL: https://7universum.com/ru/social/archive/item/23659

Целью данной работы явился анализ особенностей социальной активности и форм вовлечения пожилых людей в социальную жизнь. *Объект* исследования – социальная активность пожилых людей, понимаемая как деятельность по развитию общественных отношений и приобретению социально-адаптивных качеств личности. *Предмет* исследования – особенности социальной активности пожилых людей города Кирова. *Метод*: формализованный опрос (анкетирование). *Выборка*: 200 пожилых людей г. Кирова, сбалансированная по полу (40 % мужчин, 60 % женщин) и уровню образования (39 % с высшим образованием, 44 % – средним профессиональным). *Результаты*: показано, что социальная активность пожилых кировчан выражена в средней степени, опосредована уровнем их образования, опытом социального взаимодействия и владения информационными технологиями: более образованные респонденты, участвовавшие в общественной жизни ранее, использующие современные средства связи, социальные сети и мессенджеры более осведомлены о социальных мероприятиях, чаще сохраняют коммуникацию и вовлечённость после выхода на пенсию. Выводы исследования имеют *практическую значимость* при разработке социально-педагогических мероприятий с пожилыми людьми.

Abstract

Global demographic processes are characterized by an increase in the proportion of the elderly population in modern developed countries, and age-related changes associated with a decline in physical capabilities and a transformation of the social profile of the elderly person influence the degree of their involvement in social life.

The aim of this work is to analysis the features of social activity and the forms of engaging older people in social life. The object of the study is the social activity of older people, understood as activity aimed at developing social relations and acquiring social qualities of an individual. The subject of the study is the characteristics of social activity among elderly people in the city of Kirov. Method: formalized survey (questionnaire). Sample: 200 elderly people from the city of Kirov, balanced by gender (40 % men, 60 % women) and level of education (39 % with higher education, 44 % with secondary vocational education). The results show that the social activity of elderly residents of Kirov is of moderate intensity and is mediated by their level of education, experience in social interaction, and proficiency in information technologies: more educated respondents who participated in public life earlier and who use modern means of communication, social networks, and messengers are more aware of social events and are more likely to maintain communication and engagement after retirement. The study’s conclusions have practical significance for the development of socio-pedagogical activities for older people.

Ключевые слова: социальная активность, пожилые люди, общественные объединения, социальная коммуникация, социальная субъектность, социальная адаптация.

Keywords: social activity, elderly people, public associations, social communication, social subjectivity, social adaptation.

Введение

По данным Росстата [3], доля пожилых людей в России на 2024 год составляет 23,7 % от общей численности россиян. Старение населения и рост доли пожилых людей влияет на экономические, политические, социальные, культурные процессы. Активная позиция пожилых людей формирует у них чувство полезности обществу, компенсируя «уход» из сферы трудовой занятости и интенсивного социального взаимодействия; способствует укреплению межпоколенческих связей, решению ряда социальных проблем, улучшению качества жизни как самих пожилых, так и окружающих их людей. В то же время, существует барьеры для проявления социальной активности в виде ухудшения здоровья, социальной и информационной изоляции, низкого уровня доходов.

Целью данной работы явился анализ особенностей социальной активности и форм вовлечения пожилых людей в социальную жизнь.

Материалы и методы

Наибольшие исследования социальной активности представлены в молодёжных группах, обладающих высоким уровнем мобильности, интеллектуальной активности и здоровья [3, 9]. Категория же пожилых людей мало изучена по нескольким причинам: 1) основной интерес уделен проблеме социальной защищённости пожилых как наиболее уязвимой группы; 2) стереотипное восприятие пожилого человека как «доживающего свой век»; 3) отношение пожилых людей к своей жизни на пенсии, к своим возможностям и способностям как ограниченным.

Согласно Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), пожилыми считаются лица в возрасте от 60 до 80 лет [10]. Однако понятия «пожилой» или «старый» зависят не только от биологического возраста человека, но и от установок, принятых в обществе, их социальной роли и других факторов.

В целом, под «социальной активностью» учёные понимают один из видов активности человека, направленный на участие в деятельности, ориентированной на развитие общества и приобретение социально-адаптивных качеств личности [1–2, 4–7]. Отличительными *признаками* являются:

– осознание личностью своего места в обществе, персональной ответственности за происходящие в нём процессы;

– осознанная включённость в социальную жизнь, высокая личная значимость интересов общества в целом и конкретных общностей;

– способность усваивать и претворять в жизнь регламентированную обществом систему знаний, умений, навыков, норм и правил поведения, общения;

– целостное, устойчивое стремление влиять на социальные процессы и участвовать в общественных делах;

Для достижения цели исследования весной 2026 г. проведен опрос 200 пожилых кировчан в возрасте 60 и старше лет. Способ опроса комбинированный, включающий: онлайн-анкетирование в социальных сетях (Вконтакте, Одноклассники), раздаточное анкетирование на мероприятиях (Клуб «Старшее поколение», «Совет Ветеранов»), что

позволило охватить как активных «цифровых» пенсионеров, так и лиц, не пользующихся интернетом. Выборку составили 60 % женщин и 40 % мужчин, большая часть со средним профессиональным (44 %) и высшим (39 %) образованием.

На основании указанных выше критериев разработан индекс социальной активности:

– общение с семьей, друзьями, знакомыми (оценка по шкале от 0 – 4 баллов по степени частоты),

– посещение мероприятий (культурных, спортивных, социальных, волонтерских, по шкале 0 – 3 по степени частоты),

– участие в общественных объединениях (клубы по интересам, волонтёрские движения, общественные, религиозные и пр. организации, по количеству организаций),

– стаж участия в объединении (0 – более 3 лет).

Результаты и их обсуждение

Представим основные результаты эмпирического исследования.

1. Пожилые люди г. Кирова демонстрируют *средний* уровень социальной активности, т.е. умеренную вовлечённость в общественную жизнь. Удовлетворённость уровнем своей активности – 3,9 из 5 баллов, что указывает на частичную нереализованность потенциала.

2. Общение с семьёй, друзьями, знакомыми – самая распространённая сфера социальной коммуникации. Респонденты общаются с семьёй каждый день (52 %) или несколько раз в неделю (31 %); 42 % общаются с друзьями регулярно в течение недели и каждый пятый – ежедневно; со знакомыми встречаются примерно одинаковое количество пожилых (в среднем по 25 %) как ежедневно, так и в течение недели, месяца и реже.

3. Половина (54%) респондентов используют Интернет ежедневно, 17 % – не использую вообще. Хотя основные каналы коммуникации – это телефонные звонки (37 %) и личные встречи (28 %), общение в мессенджерах и социальных сетях составляет более трети коммуникаций пожилых кировчан (20 % и 14 % соответственно). Половина (51 %) респондентов отметили, что современные средства помогают им поддерживать связь.

4. Отмечается низкая вовлечённость пожилых людей в деятельность общественных организаций: доминирующая часть (60 %) не состоят в них; остальные участвуют в волонтёрстве (12 %), состоят в общественных объединениях (17 %), клубах по интересам (14 %) и религиозных сообществах (4 %). Наиболее популярные – «Совет Ветеранов», «Клуб Ветеранов», «Волонтёрский центр при церкви Кирилла и Мефодия» (по 17 %), Центр «Практикум» (14 %) и иные («Старшее поколение», «Литературный клуб», «Церковь Благодати» и пр., по 2 – 5 %). Каждый пятый опрошенный (24 %) состоят в этих объединениях боле 3-х лет, каждый десятый (9 %) – 1–3 года, практически столько же (8 %) – менее года.

5. По мнению респондентов, членство в данных объединениях оказало положительное воздействие на них: улучшились навыки общения, появилась уверенность в себе, расширился круг знакомств. Активные пожилые люди более позитивно отмечают свой вклад в развитие общества (хи-квадрат Пирсона, p=0,001): 56 % считают, что их социальная активность может принести пользу обществу, каждый десятый (11 %) не согласен с этим, 34 % – не задумывались об этом.

6. Какая мотивация побуждает пожилых людей быть социально-активными? В основном это собственные интересы и желания (24 %), моральное удовлетворение от участия в общественной жизни (19 %) и ощущение чувства полезности обществу и связи с ним (по 17 %). У 72 % пожилых кировчан есть хобби, самыми популярными занятиями являются рукоделие (27 %), садоводство (20 %), спорт / физкультура (10 %), поэзия / чтение (8 %), а также творчество, рыбалка, коллекционирование (3 – 6 %).

7. В ходе исследования также были проверены гипотезы.

Гипотеза 1. Респонденты, участвовавшие в общественной жизни ранее, сохраняют вовлечённость и после выхода на пенсию – подтвердилась ($p=0,00$).

Гипотеза 2. Социально-демографические характеристики определяют уровень социальной активности – подтвердилась частично: чем выше образование, тем выше социальная активность ($p=0,005$), остальные характеристики (возраст, пол) – не влияют ($p>0,05$).

Гипотеза 3. Владение информационными технологиями повышают социальную активность пожилых – подтвердилась ($p=0,014$).

Заключение

Таким образом, результаты исследования показывают, что социальная активность пожилых кировчан является действенным механизмом повышения качества их жизни, удовлетворяя ключевые потребности в самореализации, социальной включённости и психологическом благополучии. Перспектива исследования может быть направлена на оценку долгосрочных эффектов участия пожилых жителей Кировской области в социальных проектах, а также на разработку социально-педагогических программ сопровождения активного долголетия.

Список литературы

1. Абрамова С.В. Педагогические условия формирования социальной активности личности // Грамота. – 2013. – № 1 (68). – С. 10–14.
2. Каргаполова Ю.В. Теоретический анализ основных подходов к определению понятия «социальная активность» // Молодой учёный. – 2014. – № 21 (80). – С. 575–577.
3. Костина Е.Ю., Орлова Н.А. Социальная активность и социальная ответственность в представлениях и практиках современной молодёжи // Вестник Института социологии. – 2022. – № 1. – С. 129–143. – DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.778.
4. Леонюк Н.А. Формирование социальной активности пожилых людей средствами волонтёрской деятельности // Философско-гуманитарные чтения. – 2014. – № 1. – С. 51–55.
5. Парфенова О.А., Галкин К.А. Социальная активность и участие пожилых россиян в контексте активного долголетия. Журнал социологии и социальной антропологии 2023. – Т. 26. – С. 200–223. – DOI: 10.31119/jssa.2023.26.1.8. – EDN: MIXCWZ.

6. Решетова П.А., Семенов П.А. Социально-психологические факторы поддержания жизненной активности в пожилом возрасте // Современный мир: опыт, проблемы и перспективы развития. – 2016. – Т. 2. – С. 13–16.
7. Синявская О.В., Червякова А.А., Карева Д.Е. Помогающие и счастливые? Влияние социальной активности на счастье людей старше 50 лет в европейских странах // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2019. – № 6. – С. 237–258.
8. Старшее поколение [Электронный ресурс]. // Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. – 2024. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/sp_1.1.xlsx (дата обращения: 15.10.2026).
9. Шамионов Р.М., Бочарова Е.Е. Роль социальной активности молодежи в выраженности идентичностей и их согласованности // Социальная психология и общество. – 2024. – № 4. – С. 94–108. – DOI: 10.17759/sps.2024150407.
10. Cao B. Revised WHO standard population for calculating age-standardized rates: Technical Note. – Geneva: World Health Organization, Department of Data, Digital Health, Analytics and AI; – September. – 2026. – 10 P.

References

1. Abramova S.V. [Pedagogical conditions for the formation of social activity of the individual] // Gramota. – 2013. – No. 1 (68). – P. 10–14. (In Russ.).
2. Kargapolova Yu.V. [Theoretical analysis of the main approaches to the definition of the concept of «social activity»] // Molodoy uchenyy. – 2014. – No. 21 (80). – P. 575–577. (In Russ.).
3. Kostina E.Y., Orlova N.A. Social activity and social responsibility in the ideas and practices of modern youth. Vestnik Instituta sotziologii. – 2022. – Vol. 13. – No. 1. – P. 129–143. DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.778 (In Russ.).
4. Leonyuk N.A. Formation of social activity among elderly people through volunteer activities // Philosophical and Humanitarian Readings. – 2014. – No. 1. – P. 51–55. (In Russ.).
5. Parfenova O.A., Galkin K.A. Social activity and participation of elderly Russians in the context of active longevity. Journal of Sociology and Social Anthropology 2023. – Vol. 26, No. 1. – P. 200–223. – DOI: 10.31119/jssa.2023.26.1.8. – EDN: MIXCWZ. (In Russ.).
6. Reshetova P.A., Semenov P.A. Socio-psychological factors of maintaining vital activity in old age // Modern World: Experience, Problems and Development Prospects. – 2016. – Vol. 2, No. 1. – P. 13–16. (In Russ.).
7. Sinyavskaya O.V., Chervyakova A.A., Kareva D.E. Helping and Happy? The Impact of Social Activity on the Happiness of People Over 50 in European Countries // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. – 2019. – No. 6. – P. 237–258. (In Russ.).
8. [The older generation] [Электронный ресурс]. // Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki. [Electronic resource]. – 2024. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/sp_1.1.xlsx (accessed: 15.10.2026). (In Russ.).

9. Shamionov R.M., Bocharova E.E. The Role of Youth Social Activity in the Expression of Identities and their Consistency. Sotsial’naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society. – 2024. – Vol. 15, No. 4. – P. 94–108. – DOI: 10.17759/sps.2024150407. (In Russ.).
10. Cao B. Revised WHO standard population for calculating age-standardized rates: Technical Note. – Geneva: World Health Organization, Department of Data, Digital Health, Analytics and AI; – September. – 2026. – 10 P.

Статья поступила в редакцию: 31.10.2026
Статья принята к публикации: 07.11.2026
Статья опубликована: 15.11.2026

УДК 613.2+616 – 053.2

Комплексный подход к формированию здоровых пищевых привычек и профилактике детского ожирения

Карим Айгерим Акайдар
дипломированный специалист в области питания и сервиса, Университет Тейлора, Малайзия
г. Субанг-Джая
E-mail: tva.aigerim@gmail.com

An integrated approach to the formation of healthy eating habits and prevention of childhood obesity

Karim Aigerim Akaidar
Qualified Specialist in Nutrition and Hospitality Taylor's University, Malaysia, Subang Jaya

Аннотация

В статье предлагается разработать и оценить программу, объединяющую обучение детей и родителей основам питания, улучшение пищевой среды и поддержку повседневной физической активности. Ключевую роль в реализации программы играют семья и образовательная организация, поскольку именно в этих условиях формируются пищевые привычки детей и создаются возможности для регулярного движения. Программа предусматривает практические рекомендации для родителей, занятия по питанию с учётом возраста детей, расширение ассортимента полезных блюд и напитков в образовательных учреждениях, а также включение двигательной активности в распорядок учебного дня. В ходе оценки планируется определить, насколько выполнимы предусмотренные мероприятия, как их воспринимают дети, родители и сотрудники образовательных организаций и меняются ли со временем знания участников о питании и их пищевые привычки. Клинические показатели могут оцениваться при участии квалифицированных специалистов, наличии необходимых согласий и утверждённого протокола исследования. В представленных материалах описаны содержание программы и план её оценки. Результаты практического применения программы пока отсутствуют, а её эффективность предстоит установить в ходе дальнейшего исследования.

Библиографическое описание: Карим А.А. Комплексный подход к формированию здоровых пищевых привычек и профилактике детского ожирения // Universum: общественные науки : электрон. научн. журн. 2026. 11(138). URL: https://7universum.com/ru/social/archive/item/23674

Abstract

This article proposes the development and evaluation of a program that combines nutrition education for children and parents, improvements to the food environment, and support for daily physical activity. Families and educational institutions are central to the program, as both shape children's eating habits and opportunities to be active. Proposed activities include practical guidance for parents, age-appropriate nutrition lessons, healthier food and beverage options in educational settings, and opportunities for movement during the school day. The evaluation will examine whether the program can be delivered as planned, how acceptable it is to children, parents, and staff, and whether participants' nutrition knowledge and eating habits change over time. Clinical measures may be included only with the involvement of qualified professionals, the necessary consent, and an approved research protocol. The materials presented here describe the proposed program and evaluation plan. Implementation outcomes are not yet available, and the program's effectiveness remains to be established.

Ключевые слова: детское питание, пищевые привычки, профилактика ожирения, семья, школа, просвещение в области питания, комплексный подход.

Keywords: child nutrition, dietary habits, obesity prevention, family, school, nutrition education, comprehensive approach.

Введение

1. Основание и актуальность проекта

В авторской статье 2023 года рассматривается совместная роль питания, двигательной активности, режима дня, семейной среды и образовательных организаций в профилактике детского ожирения [1]. Эти направления приняты за концептуальную основу настоящего проекта. Научные утверждения исходной статьи не переносятся автоматически: они требуют проверки по актуальным первичным источникам и систематическим обзорам.

Методологическим образцом служит предоставленный протокол Cochrane по профилактике ожирения у детей 5 – 11 лет [4]. Из него адаптированы логика постановки вопросов, раздельная оценка компонентов программы, внимание к нежелательным последствиям и социальным условиям. Методы систематического обзора не подменяют методы оценки собственной программы.

Материалы и методы

2. Цель и исследовательские вопросы

Цель: разработать и оценить выполнимость комплексной образовательной программы, направленной на поддержку здоровых пищевых привычек у детей с участием семьи и образовательной организации.

Основные вопросы: можно ли реализовать программу в выбранной организации; насколько она понятна и приемлема детям, родителям и сотрудникам; какие изменения знаний и пищевых привычек наблюдаются после участия; какие ресурсы необходимы для

Дополнительный вопрос для последующего сравнительного исследования: приводит ли участие в комплексной программе к более благоприятным изменениям по сравнению с обычной практикой. Ответ на него потребует контрольной группы и заранее рассчитанной выборки.

3. Задачи

1. Описать исходную пищевую среду и потребности семей.
2. Разработать понятные возрасту образовательные материалы.
3. Согласовать с организацией выполнимые изменения пищевой среды.
4. Организовать участие родителей и сотрудников.
5. Оценить охват, посещаемость, приемлемость и соблюдение программы.
6. Описать изменения

4. Предлагаемый дизайн и участники

Первый этап: пилотная оценка выполнимости с измерениями до и после программы. Такой дизайн позволяет описать изменения, но не доказывает, что они вызваны программой.

При наличии ресурсов рекомендуется дальнейшая сравнительная оценка; для школьной программы возможна рандомизация на уровне классов или организаций.

Предлагаемая возрастная группа для первой версии: дети 5 – 11 лет и их родители или законные представители. Этот диапазон выбран по предоставленному методологическому образцу и должен быть согласован с фактической аудиторией проекта. Организации, география, численность выборки и сроки участия пока не определены.

Условия участия: принадлежность к согласованной возрастной группе, согласие законного представителя и понятное возрасту согласие ребёнка. Потребности детей с аллергиями, особенностями развития и медицинскими ограничениями учитываются индивидуально. Участие добровольное; отказ не должен влиять на доступ к обычным занятиям или питанию.

5. Компоненты программы

Обучение детей: знакомство с разнообразием продуктов, распознавание голода и насыщения, практические задания по выбору еды и напитков. Материалы исключают обвинение ребёнка и деление детей по массе тела.

Работа с семьёй: обсуждение режима приёмов пищи, доступности продуктов, семейного примера и совместного приготовления еды. Предлагаемые решения должны учитывать бюджет, культурные привычки и доступность продуктов.

Пищевая среда: совместный анализ меню и доступных напитков, предложения по улучшению разнообразия и организации приёмов пищи. Изменения согласуются с организацией и специалистами, отвечающими за питание; соблюдаются индивидуальные ограничения. Повседневная активность и режим: возрастные игровые формы движения и обсуждение бытовых привычек. Конкретные рекомендации и нагрузки согласуются с ответственными специалистами.

Для воспроизводимости необходимо фиксировать число и длительность занятий, материалы, роли исполнителей, посещаемость, изменения меню и отклонения от плана.

Эти параметры утверждаются до начала пилотного этапа.

Результаты и обсуждение

6. Показатели и сбор данных

Основные показатели пилота: доля согласившихся и завершивших участие, посещаемость, выполнение запланированных занятий, приемлемость материалов для семей и сотрудников. До начала набора требуется установить критерии успешной выполнимости. Дополнительные показатели: знания о питании; частота отдельных пищевых привычек по заранее выбранной анкете; изменения школьной пищевой среды. Анкеты должны соответствовать возрасту и языку участников; предпочтительны инструменты с проверенными измерительными свойствами. Точки измерения: до первого занятия и по завершении согласованного цикла; последующее наблюдение возможно при наличии ресурсов. Конкретные даты и продолжительность фиксируются до начала сбора данных.

Показатели роста и массы тела не являются обязательными для образовательного пилота. При включении их измеряет обученный персонал конфиденциально, с отдельным согласием. Для анализа роста используются подходящие возрасту и полу стандарты. Индивидуальная диагностика и лечение относятся к компетенции медицинских специалистов.

7. Плана-нализа

Охват, посещаемость и завершение участия представляются как число и доля участников. Для количественных показателей описываются исходные и итоговые значения, величина изменения и неопределённость оценок. Отдельно фиксируются пропущенные данные и причины выбытия. При небольшом пилоте основной акцент делается на выполнимости и качестве данных. Положительная динамика без контрольной группы не интерпретируется как доказанная эффективность. При сравнительном дизайне анализ должен учитывать исходные различия и группировку детей по классам или организациям; расчёт выборки проводится до набора.

8. Благополучие участников и конфиденциальность

Необходимо отслеживать дискомфорт, стигматизацию, тревогу вокруг еды, усиление ограничительного пищевого поведения и жалобы семей. Не проводятся публичные взвешивания, сравнения тел и соревнования по снижению веса. При тревожных признаках семья получает рекомендацию обратиться к соответствующему специалисту. До работы с детьми определяются требования организации и необходимость независимого этического рассмотрения. Устанавливаются порядок согласия, кодирование данных, доступ, срок хранения и процедура удаления. Для публикации используются обезличенные сведения; фотографии и идентифицирующие данные требуют отдельного разрешения.

9. Хронология и подтверждающие материалы

Декабрь 2023 года: опубликована статья автора о комплексном подходе к детскому ожирению [1]. Она служит предшествующей концептуальной работой и не является результатом проекта, начатого в 2025 году.

12 мая 2025 года: указанная автором дата начала работы над проектом. Для включения в официальную хронологию рекомендуется сопоставить её с датированными черновиками, перепиской, планами, материалами подачи или иными документами. Дата подачи и название принимающей организации в предоставленном PDF не подтверждены. 28 октября 2026 года: подготовлена настоящая рабочая редакция. Даты утверждения, начала участия детей, завершения программы и анализа данных должны быть внесены по фактическим документам.

Заключение

10. Ожидаемые результаты и ограничения

Ожидаемые продукты: описанная программа, материалы для детей и родителей, инструменты оценки и отчёт о выполнимости. Возможные изменения знаний и привычек являются проверяемыми ожиданиями. Уменьшение распространённости ожирения и клиническая эффективность не заявляются как установленные результаты. Ограничения текущей версии: отсутствуют данные о площадках, участниках, фактическом внедрении, одобрениях, финансировании и результатах. В предоставленной статье нет описания собственного контролируемого исследования, из которого можно было бы вывести эффективность предлагаемой программы.

11. Что необходимо уточнить до утверждения

Официальное название проекта; организация и место реализации; возраст и число участников; даты и содержание выполненных этапов; продолжительность программы; инструменты и критерии оценки; ответственные исполнители; этические процедуры; источники финансирования и возможные конфликты интересов. Сведения о квалификации и аффилиации автора следует указывать по актуальным подтверждающим документам.

Список литературы

1. Karim A.A. The Role of a Comprehensive Approach in Combating Childhood Obesity // Universum: Social Sciences. – 2023. – № 12 (103). URL: https://7universum.com/ru/social/archive/item/16593 (accessed: 19.10.2026).
2. Micha R., Karageorgou D., Bakogianni I. et al. Effectiveness of school food environment policies on children’s dietary behaviors: A systematic review and meta-analysis // PLOS ONE. – 2018. – T. 13, № 3.
3. Moore G.F., Audrey S., Barker M. et al. Process evaluation of complex interventions: Medical Research Council guidance // British Medical Journal. – 2015. – T. 350.

4. Moore T.H.M., Tomlinson E., Spiga F. et al. Interventions to prevent obesity in children aged 5 to 11 years old // Cochrane Database of Systematic Reviews. – 2022. – № 7.
5. Skivington K., Matthews L., Simpson S.A. et al. A new framework for developing and evaluating complex interventions: Update of Medical Research Council guidance // British Medical Journal. – 2021. – T. 374.
6. Spiga F., Davies A.L., Tomlinson E. et al. Interventions to prevent obesity in children aged 5 to 11 years old // Cochrane Database of Systematic Reviews. – 2024. – № 5.
7. World Health Organization, UNESCO. Making every school a health-promoting school: Global standards and indicators. – Geneva: WHO, 2021.
8. World Health Organization, UNESCO. Making every school a health-promoting school: Implementation guidance. – Geneva: WHO, 2021.
9. World Health Organization. Policies and interventions to create healthy school food environments. – Geneva: WHO, 2026.
10. World Health Organization. WHO guidelines on physical activity and sedentary behaviour. – Geneva: WHO, 2020.

ARTICLES IN ENGLISH

SOCIOLOGY

GENERAL SOCIOLOGY AND HISTORY OF SOCIOLOGY

Received: 01.11.2026
Accepted: 07.11.2026
Published: 15.11.2026

УДК 376-056.26:37

Promoting educational equity through inclusive education: perspectives from Kazakhstan and China

Wang Ze
PhD Student
Al-Farabi Kazakh National University
Republic of Kazakhstan, Almaty
E-mail: huherper781@gmail.com

Продвижение образовательного равенства посредством инклюзивного образования: перспективы Казахстана и Китая

Ван Цзэ
докторант, PhD
Казахский национальный университет имени аль-Фараби
Республика Казахстан, г. Алматы

Abstract

Inclusive education has become a central instrument for advancing educational equity, yet the routes by which countries move toward it differ considerably. This article compares the experiences of Kazakhstan and China, two neighbouring states that inherited strongly segregated special-education traditions and have, over the past three decades, reoriented their policies toward the participation of all learners in regular schools. Drawing on policy documents and published research, the study examines legislative frameworks, institutional arrangements, teacher preparation and classroom practice in each country. The analysis shows that Kazakhstan has advanced through

Библиографическое описание: Ван Ц. Продвижение образовательного равенства посредством инклюзивного образования: перспективы Казахстана и Китая // Universum: общественные науки : электрон. научн. журн. 2026. 11(138). URL: https://7universum.com/ru/social/archive/item/23675

For citation: Wang Z. Promoting educational equity through inclusive education: perspectives from Kazakhstan and China // Universum: social science : electronic scientific journal. 2026. No. 11(138). Available at: https://7universum.com/ru/social/archive/item/23675

rapid legal reform linked to international commitments, while China has followed an incremental, pilot-based model centred on the «Learning in Regular Classrooms» approach. Both systems face persistent gaps between policy and practice, including insufficient teacher competence, uneven resources between urban and rural areas, and lingering medical-deficit views of disability. The article argues that equity-oriented inclusion requires coherent support systems, inclusive teacher education and attention to attitudes, and it proposes directions for bilateral cooperation.

Аннотация

Инклюзивное образование стало центральным инструментом продвижения образовательного равенства, однако пути, по которым страны движутся к нему, существенно различаются. В данной статье сравнивается опыт Казахстана и Китая — двух соседних государств, унаследовавших строго сегрегированные традиции специального образования и за последние три десятилетия переориентировавших свою политику на участие всех обучающихся в общеобразовательных школах. Опираясь на документы политики и опубликованные исследования, в работе рассматриваются законодательные основы, институциональные механизмы, подготовка учителей и практика преподавания в классе в каждой из стран. Анализ показывает, что Казахстан продвинулся вперёд благодаря быстрой правовой реформе, связанной с международными обязательствами, тогда как Китай следовал инкрементальной модели, основанной на пилотных проектах и ориентированной на подход «обучение в обычных классах». Обе системы сталкиваются с устойчивыми разрывами между политикой и практикой, включая недостаточную компетентность учителей, неравномерное распределение ресурсов между городскими и сельскими районами и сохраняющиеся медико-дефицитарные представления об инвалидности. В статье утверждается, что инклюзия, ориентированная на равенство, требует согласованных систем поддержки, инклюзивной подготовки учителей и внимания к установкам, и предлагаются направления двустороннего сотрудничества.

Keywords: inclusive education, educational equity, Kazakhstan, China, special educational needs, comparative education, teacher education.

Ключевые слова: инклюзивное образование, образовательное равенство, Казахстан, Китай, особые образовательные потребности, сравнительная педагогика, подготовка учителей.

Introduction

Equity in education is no longer understood simply as equal access to a school building. Since the Salamanca Statement of 1994 [7], and more recently under Sustainable Development Goal 4, the international community has framed equity as the right of every learner to participate, learn and achieve in a common educational setting [8]. Inclusive education is the practical expression of this principle: it asks schools to adapt to the diversity of learners rather than asking learners to fit an unchanging school. Children with disabilities remain the group most frequently excluded, but the inclusive agenda also concerns children from rural and low-income families, linguistic minorities and migrant populations.

Kazakhstan and China offer an instructive pair for comparison. Both countries share a long border, growing economic ties and, until recently, a similar conception of disability rooted in medical classification and separate special schools. In the Soviet tradition of defectology that shaped Kazakhstan, and in the Chinese system of schools for the blind, the deaf and children with intellectual disabilities, education for disabled children was organised outside the mainstream. Over the past three decades both countries have committed themselves to inclusion, yet they have done so through different policy logics, administrative structures and cultural assumptions.

This article addresses three questions. First, how has each country translated the idea of inclusive education into national policy? Second, what obstacles limit the contribution of inclusive education to educational equity in practice? Third, what can each system learn from the other? To answer these questions, the study adopts an equity lens that focuses on participation, quality of learning and distribution of resources.

Materials and methods

The study employs a qualitative comparative design based on documentary analysis. The materials comprised three groups of sources: (1) national legal and policy documents of Kazakhstan and China on inclusive and special education, including the Law of the Republic of Kazakhstan «On Education» with subsequent amendments, state programmes for the development of education, the Regulations on the Education of Persons with Disabilities of the People's Republic of China (revised in 2017) and the national special education promotion plans; (2) analytical reports of international organisations [5; 7; 8]; (3) peer-reviewed studies of inclusive education in the two countries and theoretical works on inclusive pedagogy [1–4; 6; 9]. Sources were selected according to their relevance to the period from the mid-1990s to the present and their coverage of legislation, institutional arrangements, teacher preparation and classroom practice.

The documents were examined using qualitative content analysis and the comparative method, which includes a description of each national system, the juxtaposition of the two systems along common dimensions and the interpretation of similarities and differences. Six comparative dimensions were applied: policy logic, international commitments, key policy instruments, scope of the target group, support structures and main barriers. The findings were interpreted through the analytical framework described below, which distinguishes three levels of educational equity: access, process and outcomes.

Analytical framework: inclusion as a dimension of equity

The relationship between inclusion and equity can be understood on three levels. At the level of access, equity requires that no child be refused enrolment in a local school because of disability or social background. At the level of process, it requires that teaching, assessment and the curriculum are flexible enough for learners with different needs to take part meaningfully in classroom life. At the level of outcomes, it requires that schooling leads to comparable opportunities for further study, employment and social participation. Policies that achieve the first level without the second often produce what researchers describe as «physical» or «nominal» inclusion, in which a child is present in a classroom but excluded from learning.

Ainscow [1] argues that inclusion is a continuous process of identifying and removing barriers rather than a fixed state, and Florian and Black-Hawkins [3] emphasise that inclusive pedagogy means extending what is ordinarily available to all learners instead of providing something «different» to a few. These perspectives move the focus from the deficits of individual children to the capacity of schools and systems. They also suggest that the success of inclusion depends on teacher beliefs, school leadership, support services and funding mechanisms, not on legislation alone. These levels, summarised in the scheme below (рис. 1), and the system elements listed above serve as the analytical categories for the comparison that follows.

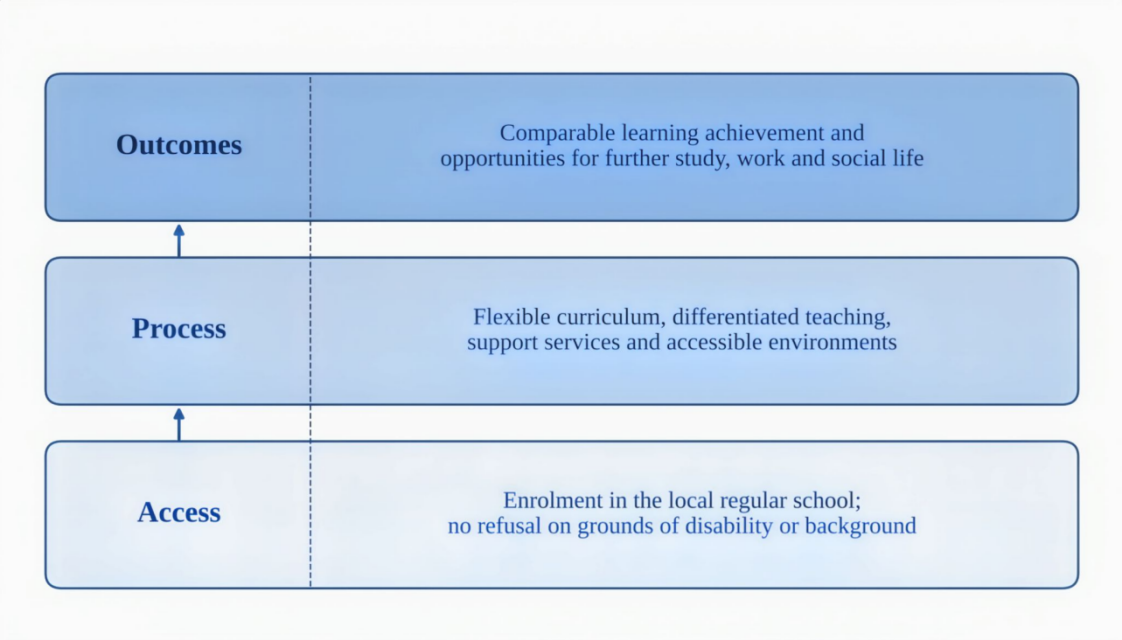

Figure 1. Three levels of educational equity in inclusive education

Results and discussion

Inclusive education in Kazakhstan: rapid legal reform

After independence, Kazakhstan retained the Soviet network of special boarding schools and the psychological-medical-pedagogical consultations that assessed children and directed them to specific institutions. The turn toward inclusion began in the 2000s and accelerated after the country signed the United Nations Convention on the Rights of Persons with Disabilities in 2008 and ratified it in 2015. The Law on Education was amended to define inclusive education as a process that ensures equal access for all learners with regard to their special educational needs and individual abilities, and successive state programmes for the development of education set quantitative targets for the share of schools creating conditions for inclusion.

This reform path has several strengths. Legal definitions and national targets have given inclusion visibility and political legitimacy; regional methodological centres and psychological-pedagogical support rooms have been established; and the official vocabulary has shifted from «children with limited abilities» toward «children with special educational needs», which signals a broader understanding of diversity. The OECD review [5] of Kazakhstan's education system also noted increasing attention to equity between regions and between urban and rural schools.

Nevertheless, research points to a significant implementation gap. Rollan and Somerton [6] found that teachers frequently support inclusion in principle but feel unprepared to adapt instruction, and that the persistence of diagnostic categories encourages schools to view inclusion as the placement of particular children rather than the transformation of everyday practice. Makoelle and Somerton [4] similarly observed that post-Soviet schools in Kazakhstan are in a transitional phase, where inclusive policies coexist with exam-oriented accountability and traditional teacher-centred methods. Large class sizes, a shortage of specialists such as speech therapists and special educators in rural districts, and limited physical accessibility of older school buildings further restrict the equity effects of reform. In multilingual settings, the need to provide support in Kazakh and Russian adds another layer of complexity.

Inclusive education in China: incremental expansion

China's path toward inclusion has been more gradual. In the late 1980s, as the country sought to universalise nine-year compulsory education, local authorities began placing children with visual, hearing and intellectual impairments in regular classes, a practice later formalised as «Learning in Regular Classrooms» (suiban jiudu). The approach was pragmatic: in many rural areas special schools were scarce, and placement in the local school was the only realistic way to enrol disabled children. Deng and Poon-McBrayer [2] describe this model as a distinctly Chinese form of inclusion that grew from practical needs as much as from international human rights discourse.

Over time the policy framework has become more systematic. China ratified the Convention on the Rights of Persons with Disabilities in 2008; the Regulations on the Education of Persons with Disabilities, revised in 2017, stated that regular schools should be the priority placement; and three successive special education promotion plans, the most recent covering 2021 to 2025, set targets for enrolment of school-age children with disabilities, the construction of resource rooms and the training of teachers. A notable feature of the Chinese model is the use of special schools as resource centres that send itinerant teachers to support regular schools, together with the «one person, one plan» approach for children who cannot attend school and receive home-based teaching.

These measures have greatly expanded access, yet quality remains uneven. Studies of the Learning in Regular Classrooms initiative report that many teachers lack specialised training, that large classes and pressure from high-stakes examinations reduce the time available for differentiated instruction, and that support is concentrated in eastern cities while western and rural regions have fewer resource rooms and specialists [9]. Researchers have also noted that children with mild disabilities are more easily accommodated than those with autism or severe intellectual disabilities, which risks reproducing a hierarchy of inclusion. Parental and community attitudes, influenced by concerns about academic competition, sometimes work against the presence of disabled children in regular classrooms.

Comparative analysis

The two cases reveal contrasting governance styles. Kazakhstan has pursued a top-down, legally driven model closely tied to international commitments and benchmarking; China has relied on local experimentation followed by national codification, with policy documents setting targets that are then implemented through provincial plans. The Kazakh approach provides a clear

normative foundation but can produce reforms that run ahead of school capacity. The Chinese approach builds on existing practice and achieves broad coverage, but its pragmatic origin means that placement has sometimes been treated as an end in itself rather than as the starting point for pedagogical change.

The main features of the two systems along the dimensions used in this study are summarised below (табл. 1).

Table 1. Comparison of inclusive education in Kazakhstan and China

Dimension	Kazakhstan	China
Policy logic	Top-down legal reform linked to international commitments	Local pilots followed by national codification
CRPD	Signed 2008, ratified 2015	Ratified 2008
Key instruments	Amended Law on Education; state programmes for education development	Learning in Regular Classrooms; revised Regulations (2017); special education promotion plans
Scope of target group	Broad notion of special educational needs (disability, social, linguistic)	Mainly children with disabilities
Support structures	Psychological-pedagogical support rooms; regional methodological centres	Resource rooms; special schools as resource centres; itinerant teachers
Main barriers	Teacher preparedness, rural specialist shortage, legacy diagnostic categories	Large classes, exam pressure, east-west and urban-rural resource gaps

Despite these differences, the barriers to equity are strikingly similar. In both countries the medical-deficit tradition still shapes assessment and funding, so that support follows diagnostic labels rather than learning needs. Teacher preparation has not kept pace with policy: inclusive pedagogy is often taught as a separate course rather than integrated into general initial teacher education. Accountability regimes based on examination results discourage schools from welcoming learners whose achievement may lower average scores. Finally, both countries display a pronounced urban-rural divide, meaning that the children who are already disadvantaged by geography and poverty are also least likely to receive high-quality inclusive provision. Inclusion that is not accompanied by redistribution of resources therefore risks widening rather than narrowing inequality.

Each system also offers lessons for the other. Kazakhstan could benefit from China's experience in using special schools as resource centres and in deploying itinerant teachers, which makes efficient use of scarce specialists across large territories with dispersed populations. China, in turn, could learn from Kazakhstan's broader legal definition of special educational needs, which includes not only disability but also social and linguistic factors, and from its efforts to embed inclusion in general education legislation rather than in disability-specific regulations. Both countries could gain from shared research on teacher education and from joint development of assessment tools that identify the support a learner needs rather than the category to which a child belongs.

Conclusion

Kazakhstan and China demonstrate that a commitment to inclusive education can emerge from different starting points and policy cultures, yet lead to similar challenges. Access has improved considerably in both countries, but equitable participation and learning outcomes require more than placement. On the basis of the comparison, four recommendations can be made. First, inclusive pedagogy should become a core component of initial and in-service teacher education for all teachers, not only for special educators. Second, funding formulas should direct additional resources to rural and disadvantaged schools so that inclusion does not depend on location. Third, assessment and accountability systems should recognise progress and participation rather than only average examination scores. Fourth, public awareness campaigns and cooperation with parents should address attitudes that continue to stigmatise disability.

Closer educational cooperation between Kazakhstan and China, including joint research, teacher exchanges and university partnerships, could support these goals. Comparative work of this kind helps policymakers see their own system more clearly and reminds us that inclusive education is ultimately a question of social justice: the measure of an equitable school system is how well it serves the learners who are most at risk of being left behind.

References

1. Ainscow M. Developing inclusive education systems: what are the levers for change? // Journal of Educational Change. – 2005. – Vol. 6, No. 2. – P. 109–124.
2. Deng M. Poon-McBrayer K.F. Inclusive education in China: conceptualisation and realisation // Asia Pacific Journal of Education. – 2004. – Vol. 24, No. 2. – P. 143–156.
3. Florian L., Black-Hawkins K. Exploring inclusive pedagogy // British Educational Research Journal. – 2011. – Vol. 37, No. 5. – P. 813–828.
4. Makoelle T.M., Somerton M. (Eds.) Inclusive Education in a Post-Soviet Context: A Case of Kazakhstan. – Cham: Springer, 2021. – 338 P.
5. Pons A., Amoroso J., Herczynski J., Kheyfets I., Lockheed M., Santiago P. OECD Reviews of School Resources: Kazakhstan. – Paris: OECD Publishing, 2015. – 224 P.
6. Rollan K., Somerton M. Inclusive education reform in Kazakhstan: issues and challenges // International Journal of Inclusive Education. – 2021. – Vol. 25, No. 10. – P. 1109–1124.
7. The Salamanca Statement and Framework for Action on Special Needs Education / UNESCO; Ministry of Education and Science of Spain. – Paris: UNESCO, 1994. – 47 P.
8. Global Education Monitoring Report 2020: Inclusion and education – All means all / UNESCO, Global Education Monitoring Report Team. – Paris: UNESCO, 2020. – 424 P.
9. Xu S.Q., Cooper P., Sin K. The “Learning in Regular Classrooms” initiative for inclusive education in China // International Journal of Inclusive Education. – 2018. – Vol. 22, No. 1. – P. 54–73.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

UNIVERSUM: ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Электронный научный журнал

№ 11(138)
Ноябрь 2026 г.

Мнение авторов может не совпадать с позицией редакции.

18+

Издательство ООО «Юниверсум»

Объём издания: 68 с.

Минимальные системные требования: процессор с частотой от 1,3 ГГц; ОЗУ от 512 МБ; программа для чтения PDF-файлов; доступ к сети Интернет

Дата размещения в сети Интернет: 15.11.2026

Журнал размещается в:

CYBERLENINKA

Google scholar

BASE

OpenAIRE

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU

ULRICHSWEB GLOBAL SERIALS DIRECTORY

СОЦИОНЕТ

EBSCO

Registry of Open Access Repositories (ROAR)